

Crème de la Crème

Марсель Жуандо

О ВЕЛИЧИИ

Перевод

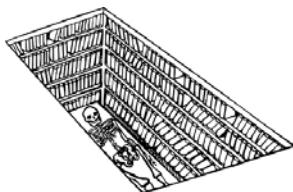
Татьяны Источниковой

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 Фр

Marcel Jouhandeau
De la Grandeur

Редактор: Дмитрий Волчек

Обложка: Алексей Кропин

Верстка: Маргарита Пак

Руководство изданием: Дмитрий Боченков

ISBN 978-5-98144-268-1

© Editions Grasset, 1952

© Kolonna Publications, 2020

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

С детских лет при виде чужой низости, вульгарности, бесцеремонности я краснел, словно они были мои собственные, – при том, что сам никогда не допускал для себя ничего подобного и даже вряд ли был на такое способен. Должно быть, нечто внутри меня обладало персональным самолюбием. С тех пор я видел столько ничем не оправданных преступлений против человеческой личности, что весь род людской – вплоть до меня самого, принадлежащего к нему по рождению, – отныне кажется мне обесчещенным навеки. Сам Человек, которым я так долго восторгался, теперь внушает мне лишь отвращение. Возможно, Бог испытывает нечто похожее к грешникам. Но Бог замкнулся в Себе – убежище, где стал недосягаем для тех, кто Его разочаровал, – тогда как я не могу отделить себя от тех, кто внушает мне ужас, пусть даже ничто не мешает мне реабилитировать их в глубине собственной души.

Ласепед: «Кит, крокодил, лев и орел суть четверо величайших повелителей глубин, побережий, пустынь и воздуха, кои соединяют в себе с превосходством силы некоторую мягкость инстинктов, оставляя низшим существам, жалким тиранам, жестокость без необходимости».

6 Я не чувствую себя в безопасности нигде; мое единственное прибежище – моя религия, разговор наедине между Богом и моей душой, в котором нет места даже воспоминаниям обо всем остальном человечестве.

И вот моя совесть (которая ничто иное как «со-весть») становится крепостной стеной, за которой я недосыгаем для любого профана.

*

Порой полезно абстрагироваться от истории, равно как от современности, постепенно выбрасывая из головы мысли о классах, об управлении, о человечестве, – пусть даже неизбежно придется водворять их на прежнее место одну за другой, словно поочередно надевая предметы одежды, потом маску, потом ливрею.

Речь идет о том, чтобы осознать, до какой степени все эти второстепенные, случайные вещи чужды всему, что составляет мою суть, и увидеть себя как есть, изначально, незапятнанным.

Это значит – попытаться найти в Природе, в Солнечной системе, на Земле, в своей религии и на своей родине свое место, не посягая на то, что не является «тобой», и не рискуя себя потерять.

Я не хочу ни жизни, полученной даром, ни Природы, частью которой стал лишь в силу неизбежности.

Я не выбирал ни род человеческий, к которому волей-неволей принадлежу, ни место, ни время своего рождения, ни родину, ни религию, ни семью. Я не выбирал свое тело, лицо, душу и даже черты характера, который сформировался еще до того, как я его осознал.

Мне остается лишь принять эти границы, приспособиться к ним, а затем постепенно изменять их на свой лад – или взбунтоваться.

Скованный по рукам и ногам бесконечной цепью обстоятельств, которые посылают ему Провидение или случай, человек подчиняется законам, которые ими управляют, чтобы стать свободным от внешнего мира, – именно с этого начинается то, что принято именовать «свободой». По ту сторону всего, внутри меня – мое прибежище, неотъемлемое, недосыгаемое, где я один перед лицом Всевышнего, – но этого богатства мне более чем достаточно.

Я более или менее открыто исполняю свои обязанности гражданина, верующего, сына, мужа, отца, преподавателя, писателя, но есть

заповедная территория, куда никто не имеет права даже заглянуть, принадлежащая только мне и управляемая мною единовластно. Когда я смотрю оттуда на всё остальное, оно выглядит таким далеким, что кажется почти нереальным.

8 Жить стоит лишь ради этого «внутреннего царства», где я абсолютно свободен, где я могу по собственной воле установить полную и наивысшую – анархию? автаркию?

Без всякого позерства, просто констатируя факт, могу сказать, что ни разу в жизни не использовал эпитет «социальный», в котором сосредоточено всё, что только есть на свете полностью мне чуждого. Всё, что «социально», абсолютно противоположно тому, что хоть как-то может меня заинтересовать.

Если о людях можно многое узнать по их привычному лексикону, то, как мне кажется, еще больше скажут о них те слова, которые они избегают употреблять и в речи, и на письме. Некоторые слова мне особенно дороги, некоторые я готов произносить или слушать коленопреклоненным. Есть и такие, которых я не могу выносить. Это сильнее меня. Речь о глубоких, почти неосознанных, симпатиях и антипатиях, в равной мере неодолимых.

Я думаю, что определенному классу людей – лучшим из них – внушает отвращение всё, что имеет вид «общества», и, напротив, всё, что отделяет их от стада, их восхищает.

Исключением из этого правила, конечно, является дружба – некая разновидность масонства, вдвойне ценная, если позволяет каждому оставаться собой.

Имея лишь одного друга, рискуешь, потеряв его, остаться один – к тому же вряд ли захочешь, чтобы кто-то его заменил.

Есть лишь одно несчастье – не уметь довольствоваться собой, чувствовать потребность в чем-то еще, кроме Бога (то есть Всего) и себя. Даже самая прекрасная дружба – уже излишество. Нужно быть всегда готовым к тому, чтобы ее потерять, и делать всё для того, чтобы ее сохранить.

9

*

Однажды, очень давно, я в одиночестве прогуливался в Шамбриерском лесу. Мне было двадцать лет. Мимо проехал роскошный автомобиль, в котором сидели люди, явно далекие от праведной жизни. Один из них, указывая остальным на меня, с насмешкой воскликнул:

– Смотрите, кюре!

Для меня к тому времени уже не было речи о том, чтобы принять духовный сан, но оказалось, что моя привычка к одиноким прогулкам могла заставить кого-то меня в этом заподозрить.

Впрочем, такого рода насмешки меня никогда не смущали. Мне слишком нравилось не нравиться, чтобы от этого страдать.

Мари Фужер – своему брату Жозефу:

– Ты не находишь, что у месье Марсея те же самые жесты, голос и взгляд, что у месье Картона, часовщика?

Я бы охотно встретился с этим человеком – чтобы не слишком воображать о себе.

10 Мадам де В.: – Издалека вы кажетесь прозрачным как дым; вблизи – твердым как сталь.

С. V., в поисках очередного Селадона:

– Когда читаешь ваши книги, хочется поскорее с вами познакомиться, а когда вас увидишь – жалеешь, что их прочел.

Тетушка Мишель, случайно услышав меня в каком-то общем разговоре о том о сём:
– Вот же черт языкастый!

Обычно те, кто со мной незнаком, судят обо мне по наружности и принимают меня за ничтожество. Те, кто прежде знакомства узнают о моей репутации, относятся ко мне даже слишком почтительно. И вот недостаток уважения с одной стороны и избыток – с другой в итоге ничуть не компенсируют друг друга, но лишь окончательно убеждают меня, что лучше оставаться в одиночестве.

Сначала признаешь про себя, что ты везде и всем чужой, а затем удаляешься на безопасное расстояние – туда, где можно существовать наедине с собой и где ничто тебя больше не потревожит.

Как правило, человек умалчивает о многом из того, что пережил и что совершил, и в конце концов об этом забывает. Что до меня, я испытываю настойчивое желание без утайки рассказать обо всём случившемся со мной, отчего остальные считают меня «не таким, как все». Я уже и сам почти готов признать себя таковым, хотя, возможно, разница между мной и остальными – лишь в готовности исповедоваться; но именно это представляется мне едва ли не самым важным.

II

Большинство людей обычно кажутся мне гораздо более сильными, умными и способными, чем я сам. Это не вызывает у меня никакой ревности, никакой досады. Мне довольно знать, что с теми скромными средствами, которые были в моем распоряжении в начале жизненного пути, без всякой поддержки и защиты, только собственными усилиями, я прошел столь долгий путь, как во внутреннем, так и во внешнем мире. Мне довольно знать, что я сделал из себя того, кто я есть.

Я так люблю всё то, что принадлежит мне безраздельно, что меня перестали интересовать даже книги из моей библиотеки, коль скоро еще чьи-то руки, кроме моих, могут снимать их с полок или переставлять без моего разрешения.

Пьер Давид однажды вечером промурлыкал в своей обычной кошачьей манере:

– Как это, должно быть, замечательно, как приятно – быть архиепископом Кентерберийским!..

Почему не сказать хотя бы – «Богом-Отцом»?

Мне всегда были чужды подобные мысли, поскольку я хотел быть лишь самим собой.

12 Пьер Давид, воспевая свою мечту, воспел собственное убожество.

Высшая степень убожества – не восторгаться, не опьяняться тем, что у тебя есть и кто ты есть.

*

Свободен лишь тот, кто может отвернуться от остальных, чтобы жить собственной внутренней жизнью.

Даже в аду не найти таких цепей, которые сковывают сильнее, чем взгляды тебе подобных. Нет ничего более чуждого душе, чем большой город и политическая жизнь.

*

– Отныне вы принадлежите Веку Просвещения! – объявляют нам и тут же запирают нас в материальном мире, перекрыв все пути и в рай, и в ад, полностью лишив нас духовной жизни и почти лишив души, разорвав нашу связь с Всевышним.

Кто-то из знакомых сказал:

– Посмотришь, куда всё катится, – и понимаешь, что скоро не останется ни ради чего жить, ни тем более ради чего умирать.

Если верить некоторым современным ученым, наше существование подчинено слепому бездушному механизму, вроде системы зубчатых колес. Никто не знает, когда и как, почему именно в тот момент и в том месте пробудилось сознание, которое стало моим, – посреди субстанции полностью материальной, физической, механической, химической, физиологической... и вот он я – человек, а не лев или мышь.

13

Другие, не отвергая всеобщей целесообразности, отказывают лишь человеку в каком-либо изначальном предназначении: своей собственной властью они предписывают ему самостоятельно определять свою цель и выбирать, каким путем и с какой скоростью двигаться к ней. Надо признать, что авантюристу такой подход представляется весьма заманчивым. Но нет ли в этой гипотезе чего-то похожего на бесплатный сыр в мышеловке?

*

Еще Геродот заметил: «Люди давно открыли всё, что нужно знать».

Может статься, что истина (под истиной я понимаю точное знание о «том, что есть»)

вообще не создана для людей, и если возможно хоть немного к ней приблизиться, то лишь посредством мифов, наиболее почитаемых и древних.

Увы! как только мы находим названия для наших чувств и идей, выросших из легенд, их тонкий аромат слабеет и улетучивается.

14

Однако некоторые иллюзии столь прекрасны и благородны, что, по сути, более истинны, чем если бы они были реальны, – во всяком случае, они заслуживают быть таковыми. И тем хуже для истины, если она безобразна, банальна, заурядна, ничтожна.

Нет истины, кроме «Жизни» во всех ее формах, даже если она порой заимствует сюжеты в мире миражей. Долой любые рациональные идеи! Возможно, всё, что существует здесь, в нашем мире, – лишь отражение грандиозной мистерии, а мистерии надлежит оставаться таковой, иначе она исчезнет. В этом суть «божественного».

Стоит признать: нам неведомо, «что есть Бог» Сам в Себе. Молчание теологов перед «божественной сущностью» подобно немому восхищению. Но те, кто утверждает, что Он является «Существом» или отрицают Его, запутываются в противоречащих друг другу терминах.

Величайшей честью для еврейского народа стало то, что он дал Богу Его имя, а для Вет-

хого Завета – то, что он вложил в уста самого Предвечного слова: «Я есмь Тот, Кто есмь» * .

*

Одни и те же вещи не являются одинаково реальными для всех – отсюда разные чувства, которые они нам внушают. Один заботится лишь о собственном благополучии, другой – о счастье ближнего, третий никогда не отрывал глаз от земли, четвертый – от неба... «В доме Отца Моего обителей много...»**

15

Разные точки зрения или точки отсчета, логические цепочки наших мыслей или наших страстей со временем меняются. Большинство дискуссий не имеют никакого отношения к поиску истины; их бы вообще не было, если бы наши интересы и мнения совпадали.

Точно так же существование Бога не очевидно всем в равной степени. Столь же привычное и необходимое одним, как воздух, которым они дышат, оно так же чуждо и непонятно другим, как квадратура круга.

Как, однако, можно не кривя душой утверждать, что ты становишься ближе к истине, изначально и предубежденно отвергая самое понятие Бога, чем пытаешься Его познать? То же самое относится к тем, кто

* Исх 3:14.

** Иоанн 14:2

утверждает, что сотворен Богом, с таким видом, словно это большая заслуга Творца.

*

16

Считать Бога некоей абстракцией или отождествлять Его с Природой значит лишь признаваться в своей излишней чувствительности, которая опережает и затрудняет любые движения интеллекта. В мистическом единении нашего сознания и самых тонких душевных струн вера уже соединена со своим объектом. Только потом формируется и рождается религия.

Убежденный атеист не желает признавать за собой никакого долга по отношению к Творцу и оттого всячески пытается представить Его равнодушным к почитанию со стороны своих творений. Но, даже если признавать, что Богу нет дела до нас, – зачем же запрещать нам стремиться обрести в Нем – даже раньше, чем Его постичь, – свидетельство нашего мистического происхождения и одновременно возможность самых возвышенных и возвышающих отношений?

*

Первое зеркало, в котором нам является Сущий, – это само наше существо, с того момента, когда мы осознаем себя, – как если бы в каждой идеально сформированной душе

непрерывно была заложена синхронность познания себя и Бога; как если бы душа, постигнув себя, просто не могла одновременно не постичь и Его. Больше того, Бог не мог бы не явиться ей в тот же миг, как она узнала себя, – ибо Он присущ ей даже больше, чем она сама себе.

Поэтому с большой долей вероятности можно утверждать, что наиболее совершенный образ Бога – наша душа в тот момент, когда она созерцает себя; что всё в ней напоминает об Архетипе, в котором она берет начало, который объясняет ее существование и помогает ей превзойти саму себя.

17

Религия, которая сама по себе есть величайшая драгоценность, – это еще и предчаяние наших незыблемых отношений с бесконечностью, исповедь существа Сущему, признание зависимости, необходимой и благотворной.

Что бы я ни делал – Бог не оставляет меня, и я не оставляю Бога.

Мне скажут на это, что лишь немногие согласятся познать самих себя. Но тому, кто отвергнет это самое первое и самое простое интуитивное побуждение, невозможно будет познать и Бога, который может явить Себя лишь отражением в его душе.

*

Тот, кто имеет ясный ум, в любой своей ошибке будет видеть одну лишь крохотную

частицу истины, которую она всегда в себе содержит, и закрывает глаза на всё остальное. Это говорит о том, что нам более необходима здравость суждений, чем истина.

18 Мало кто способен распознать истину при встрече с ней; еще меньше тех, кто, даже понимая всю ее значимость, осмелится взглянуть ей в лицо. Большинство либо не знает, что с ней делать, либо тяготеет к ней.

Впрочем, это все же лучше, чем если бы они ударились в фанатизм, стремясь к «возрождению», и устроили бы нам мир, а котором человеку пришлось бы выбирать, перестать быть свободным или перестать быть, – если свобода для него единственная причина существования.

Худшая из ошибок – отнюдь не заблуждаться, но быть столь уверенным, что не заблуждаешься, чтобы навязывать свое мнение всем остальным.

По правде говоря, я тем больше чтю собственные убеждения, чем более они ценны лишь для меня одного.

Бойтесь пророков!

*

Каждый должен выдержать ту часть истины, которая ему необходима и которой он заслуживает.

Время Благодати наступает, когда вы обрели самостоятельно или усвоили, приняв в дар,

одно-два понятия, на которых зиждется духовная жизнь.

Воспитанный в католицизме, я не соблюдал обряды своей религии, потому что привык жить во грехе; однако жить во грехе не означает жить без веры – если бы не было веры, не было бы и греха.

Из всей своей религии я сумел сохранить, уже после грехопадения, только два фундаментальных убеждения: я верю, что Бог существует и что моя душа свободна и бессмертна.

19

Если коротко, то в своей религии я закрываю глаза на всё, что разделяет, будучи убежден, что потерять веру легче всего, если заблуждаешься относительно самой ее сути.

В каждой душе (особенно в некоторых душах, восприимчивых более других) есть частица волшебства, словно отблеск предвечного Неба, – нечто, имеющее божественную природу, уцелевшее со времен изгнания из Рая, но позабытое, – и однако любовь или религия могут порой его пробудить.

С первого мига нашего бытия нас повсюду сопровождает несмолкающая внутренняя музыка. Если она вдруг перестанет звучать, мы больше не сможем выносить всё остальное.

*

Иногда кажется, что боль входит в тело через врата души. Именно тогда эта священ-

ная музыка перестает быть слышна. И каждая частица нашей плоти, живой и чувствующей субстанции, оказывается беззащитной – ей не на что отвлечься, и остается только боль.

*

20

Стоит признать, что в религии, как в любви, дружбе и браке, даже в удовольствии, всё, что входит в привычку, в повседневный быт, становится убогим. К счастью, время от времени минута восторга вознаграждает нас за долготерпение. Нельзя жить в непрерывном пароксизме чувств. Достаточно лишь убедить себя, что самой своей заурядностью окружающая рутина не только делает возможным, но и предваряет, подготавливает грядущий взрыв.

Мир и Вселенная – это Природа и Сверхприродное. Только умалив себя, можно обрести независимость от того и другого.

Никакое величие не сравнится с величием Бога и величием души – двумя главными основами любой религии.

Безбожие – не что иное, как оскорбление того величия, которое Бог побуждает нас разделить с Ним.

Христианство наиболее наглядным образом ставит перед нами проблему нашего предназначения.

И само предлагает ее решение, лежащее далеко за пределами логики и отваги.

Религия, которая обещает человеку вечность в единении с Богом, но в то же время абсолютную независимость, дарует ему величие, не сравнимое с любым другим, – воистину вселенское.

21

Никакая доктрина до сих пор не формулировала с такой ясностью условия договора, столь благодатного для рода человеческого.

Даже если я отдаюсь от моей религии, со мной останутся Бог и неотъемлемое чувство достоинства.

Я знаю всё самое главное, что стоит знать о Боге и душе. Этим знанием природа человека навсегда остается преображенной в моих глазах. Нравится мне это или нет, – но именно своему христианскому воспитанию я обязан бесценным искусством внутренней жизни.

Благоприятствуют мне обстоятельства или нет, низвергаюсь ли я в бездну или карабкаюсь из нее наверх, – никакое несчастье, никакое грехопадение не лишат меня отблеска Божьей славы, что сопровождает меня повсюду.

*

Ни одно общество не рискнуло бы признать (поскольку такое признание обесмыслило бы его), что у каждого из составляющих его индивидов есть собственное предназначение.

Величайшее чудо христианства состоит в том, что, являясь сообществом, верующие в Христа признают только душу как единственную реальность, побуждая каждую из них прийти к совершенству и спасению – иными словами, свершить свое частное Вознесение, свое персональное обожествление – как если бы в мире не было больше никого, кроме нее и Бога.

То, что абсолютно чуждо христианству, что оно не приемлет и с отвращением отторгает, – не столько нечистота, сколько отчаяние.

*

Человек всецело велик, лишь когда абсолютно свободен, а совершенно свободным может стать лишь в вечности, где не остается иных связей, кроме как с Богом, Который только и относится к нему с наивысшим почетом, и с собою самим.

*

Порой, чтобы отрешиться от всего – от голода, от сна, от внимания других и своего соб-

ственного, – я спрашиваю себя, продолжаю ли я существовать. Да, я по-прежнему существую, но на том тонком плане, что меньше всего знаком человеческому отродью.

И вот смерть уже почти ничего не может со мной сделать – точнее, я уже почти ничего не могу поделать со смертью, хотя жив как никто другой.

23

*

Для некоторых существ, достигших исключительного, непревзойденного величия, вознесшихся в своей простоте и утонченности выше всех доступных человеческому воображению пределов, уже невозможно даже ненамного сблизиться с себе подобными, не покраснев.

*

Н. М. утверждает, что иногда позволяет себе излишние вольности с теми или иными людьми лишь затем, чтобы продемонстрировать свое презрение к Человеку.

Но таким образом не исключить себя из числа остальных.

Его презрение неизменно его настигает.

*

В детстве мне порой случалось уловить в животном, или в человеке иной расы,

или в ком угодно еще, подвергшемся оскорблению, некоторое, пусть даже сколь угодно отдаленное, сходство со мною самим или с кем-то из любимых мною существ в момент смятения, вызванного стыдом.

24

По зрелом размышлении, я упрекаю себя за то, что считал подобное сходство для себя унижительным. Природа для всех одна, и печать Божья на каждом из Его созданий.

Всё остальное поделено между всеми, и каждому принадлежит своя неотчуждаемая часть.

С тех пор всякий раз, когда я встречаю на своем пути любое животное или любого из себе подобных, самого благородного или самого презренного, чувство общности с ними улаживает меня, как благодатный фи́миам. Орел и лев, голубка и змея, каторжник в цепях или триумфатор в лавровом венке – все мы словно шествуем в одном королевском эскорте, создания одного Творца. У них свои законы, у меня свои – только это отличие для меня имеет значение.

С возрастом во мне всё больше укореняется привычка нигде на Земле не считать себя дома, полагая лишь гостем, случайным прохожим, постояльцем в отеле, единственный багаж которого – его душа.

*

Сегодня ночью я говорил с кем-то, кто должен был или по крайней мере мог быть

Богом, – но так, как если бы говорил с самим собой.

Голос был знакомым и негромким – так, почти шепотом, говорят, обращаясь только к себе.

Так говорил ли я с Богом или с собой?

И вдруг меня осенило: «Это одно и то же».

Бог и я – одно и то же, мое существование и Его бытие – два зеркала, отражающие друг друга, две стороны одного и того же «Сознания».

25

Между Богом, Который хотел сотворить меня от самого начала времен, и мной, который узнал Его в себе, – лишь перемещение точек зрения в одном и том же сознании, похожее на простой обмен взглядами.

Это ощущение единства, которое связывает меня с Богом и Его со мной, – самая главная молитва. Скажу больше – без него нет ни одной истинной религии. Всё то, что разделяет, находится вне религии по определению.

Творец – это еще один я, это мое самое глубокое «я», в котором я нахожу всё, необходимое мне, чтобы спастись, где я вновь обретаю свое имя, как Он обретает Свое.

*

Бог: – Когда же наконец ты перестанешь быть там, где ты не «есть», где ты не свободен? Я назначил тебе встречу там, где ты только и можешь быть, полностью и всецело,

там, где ты свободен, как только может быть свободен бог перед лицом Бога, – ибо таково Мое имя, которое больше ничье, – так же как твое принадлежит только тебе.

Здесь мы вместе – и так близки, что понятия присутствия и отсутствия для нас теряют всякий смысл.

26 Только не думай, что ты больше не один.
Я – вовсе не Другой.

От тебя не требуется менять что-то в Природе. Но ты должен правильно судить о ней.

То же относится и к Сверхприродному.

Я не прошу тебя Мне повиноваться. Ни о чем таком не может быть и речи между двумя существами, которые относятся друг к другу с почтением (слово «почтение» здесь обретает свой высший, «восхитительный» смысл – мистический, полный, завершённый, абсолютный), иначе говоря, уважают границы друг друга – те контуры, что очерчивают каждого, удерживая их от чрезмерностей – в том числе и от чрезмерного почтения.

Два существа, проявляющие обоюдное почтение, могут предъявлять друг другу лишь те требования, которые каждый из них предъявляет самому себе.

Я лишь прошу тебя принимать Меня во внимание.

Как тесен твой земной удел! Разве ты

не знаешь, что по-настоящему свободным станешь, лишь разорвав цепь, приковавшую тебя к этому миру, всегда определенному, всегда ограниченному?

Находя ценность в том, что не имеет никакой ценности, ты сковываешь себя по рукам и ногам.

Над твоим «внутренним бытием», напротив, никто не имеет власти – даже Я, Который отказался от нее.

Почему же ты не хочешь все время пребывать на этой стороне самого себя, где ты «есть», где ты свободен, где ты – это настоящий Ты, во веки веков?

Довольно было бы и того, чтобы ты управлял своей внутренней крепостью как подobaет – хотя всё, что снаружи, тоже не стоит оставлять без внимания.

Конечно, твоя воля в высшем ее проявлении не ограничена никем и ничем, кроме тебя и Меня.

Но в остальном твоя власть слаба: чего бы тебе ни хотелось, всё останется прежним и по-прежнему для тебя недостижимым – кроме тебя и Меня.

Знай, что «ты» можешь совершить нечто лишь в том месте, на которое никто кроме тебя не имеет права. Если ты отыщешь это место своего абсолютного господства – вот тогда всё изменится.

Тебя всегда ограничивает что-то снаружи – но твоя внутренняя свобода безгранична.

Ты не можешь изменить почти ничего в этом мире – но ни Я, ни мир, ни небо, ни ад, ни ангелы, ни демоны не могут ничего с тобой сделать вопреки твоей воле».

*

28 Может ли стать, что в природе – где всё отрегулировано, но не до такой степени, чтобы оставаться неизменным; где любое правило, даже в большей мере, чем исключение, кажется, существует лишь для того, чтобы предоставить «жизни» возможность воспроизводиться в самых разных формах, – всё подчинено изначальной цели даровать человеку свободу, которая всегда будет стремиться за пределы необходимости, – как порой сама природа создает излишне яркое птичье оперение?

Нет никакой логической несовместимости, никакого изначального противоречия между незыблемостью основ мироздания и свободной волей человека. Ради чего установлены всеобщие законы, как не ради того, чтобы позволить роду человеческому порой их нарушать?

Без сомнения, это задает Творению цель, определяет его характер, дарует высший смысл существования. Никакой внутренней дисгармонии здесь просто неоткуда взяться. Я смотрю на Вселенную как на грандиозный театр, где человек волен ставить любые спектакли.

Допустимая мера нашей самостоятельности, разумеется, заранее рассчитана и установлена Творцом, чтобы никакие наши действия не могли привести к обрушению всей конструкции.

*

Я свободен ни больше ни меньше, чем Зевс на вершине древнего Олимпа, где никто не властен над ним, кроме предвечной Немезиды; и, подобно ему, я сохраняю в душе мягкость, которая порой позволяет мне, отрешившись от всегдашней подозрительности, испытывать тот радостный, детский восторг, с которым все живые существа встречали утро Мироздания.

29

*

Возможно, истинная жизнь – лишь та, которую импровизируешь: на миг освободившись из тисков судьбы, прорываешься сквозь все преграды, установленные от века, – и вот перед тобой распаивается непредвиденное.

Может статься, весь смысл существования осознается за те несколько секунд, которых многие останутся навсегда лишены, даже не ощутив, впрочем, этого изъяна, – иными словами, они лишь перейдут из одного небытия в другое, и ни их рождение, ни смерть не станут событиями ни для кого,

включая их самих. Как могли бы они получить право даже на самое ничтожное место в памяти Бога?

*

30 Я бы гораздо охотнее принял отлучение от церкви, чем изгнание из общины согласно городскому праву. В сущности, нетрудно было бы оставаться «одному» в течение полувека – ради того, чтобы достичь независимости более высокого порядка, чем независимость от людей, – полной и абсолютной.

Повинуясь государственным властям, я повинуюсь, фактически, самому себе – своему стремлению не впутываться в дела этого мира, где ничто меня не интересует. Я ухожу из него в другой – туда, где я господин и повелитель, сильный своим убеждением, что ни одно существо, даже Сущий, не в состоянии (иначе как поступившись своими же законами) принудить к чему бы то ни было, под каким бы то ни было предлогом, душу, находящуюся в своей неуязвимой внутренней крепости.

Живя в одиночестве, мало-помалу утрачиваешь навыки общения с людьми, едва замечаешь их существование и не заставляешь их замечать твое собственное. Пытаясь сблизиться с ними, всё равно остаешься в границах созданного тобой убежища – ты

не можешь выйти к ним, они не могут попасть к тебе. Все мои отношения с другими сводятся к тому, что я соблюдаю правила городского общежития.

Но, воздав положенное внешнему миру, я могу установить во внутреннем, касающемся лишь меня и Бога, полную, ничем не ограниченную свободу. И что за дело до внешних цепей тому, кто абсолютно свободен в вечности!

31

*

В сущности, можно сказать, что понятия одиночества, достоинства и величия души суть одно. Все три в равной мере оберегают ее от излишне тесного сближения даже с теми, кто разделяет ее убеждения, и от излишней приверженности самим этим убеждениям. Ее глубинная суть полностью отделена от всех случайных обстоятельств внешнего мира. Вдали от людей и вещей есть пространство, в котором каждый имеет право укрыться и оставаться один, отвергая любые компромиссы со всем и всеми, кроме Всевышнего.

*

Чем больше новых существ добавляется к уже существующим, тем слабее моральные ценности. Судьба человечества не имеет никакого значения, потому что оно – всего лишь расплзающаяся бесформенная магма.

Человечество – это изнанка реальности.

Реальность – это каждый из нас, замкнутый в своем одиночестве. Хуан де ла Крус, мой наставник еще со времен детства, осветивший весь мой дальнейший жизненный путь, говорил, что «одна человеческая мысль ценнее, чем весь остальной мир».

32

Невинная, виновная или святая, душа остается всё той же в своих тайнах, в своей природе, ни в коей мере не поддающейся определению, неизменно пребывая за пределами этого мира и являя противоположность всем его предметам и явлениям, – пусть даже сама не осознает своей несокрушимости и неуязвимости.

Божественное появляется вслед за осознанием этой священной незыблемости души. Подобно вспыхнувшему во тьме бриллианту, оно вдруг озаряет всё, что есть в природе и в сверхприродном, – это его оправда. Но ничто не может мне помешать – или избавить меня от необходимости – сделать этот драгоценный камень еще более твердым, еще ослепительнее сияющим.

*

Признав, что понятие души – чисто христианское, я, на радость своей человеческой гордыне, спешу облачиться в этот роскошный

наряд и продемонстрировать всему миру его великолепиие.

Но лишь признав, что понятие души – чисто христианское, обретаешь ее всецело.

Зависимый от внешнего мира, в который сама природа включила меня посредством боли и удовольствия, я знаю о своем внутреннем убежище, где могу отделиться и освободиться от него.

33

*

Душа – единственная неделимая сущность, единственный атом духовного мира, кроме Бога. Но кто из христиан еще остается в достаточной мере христианином, чтобы использовать как подобает, а не так, как принято сейчас – бесстыдно, без всякого почтения, но зато с необузданной гордыней, – слово «душа»?

Глубже всего укоренено во мне это ощущение чего-то несказанного, что не может быть повреждено, разрушено, испорчено, что бы ни случилось.

О, это реальное присутствие меня во мне и Бога во мне, которое не прервет смерть и ничто никогда не омрачит, – обожествление, начавшееся еще в брнном мире, где истинное величие кажется слабостью!

Каждая душа стремится уйти как можно дальше от мира и стать подобной Богу в окружении Его тайн, доступных лишь посвященным, – но такие расстояния не преодолеваются мгновенно.

34 Однако более всего – возможно, по закону, согласно которому сила действия равна силе противодействия, – предрасполагает нас к очевидному примирению с окружающим миром (очевидность проявляется в иронии и юморе) именно ощущение своей полной и абсолютной власти, скрываемое глубоко внутри, – там, где только и существует во всей своей полноте абсолютная реальность.

Но тот, кто ведет постоянную внутреннюю борьбу с Творцом, рано или поздно поднимет бунт во внешнем мире.

Душа – единственное, что держит мир (которому она не принадлежит). Этот мир может быть только таким, какой он есть, тогда как душа содержит в себе все возможные миры.

Иные души в тягость телам, природе, даже Богу.

Но величие и добродетель выдерживают всё.

*

Иногда у меня возникает ощущение, что мир не может меня выдержать. Я вполне выдерживаю сам себя, и я ближе к себе, чем мир ко мне. Я хорошо себя чувствую, хотя порой я тяжелее, чем мир.

*

35

Ни звука не доносится с той высоты, где душа неслышно входит в свою тайную обитель, предназначенную лишь для нее одной, – и только ее улыбка, такая легкая, что ускользает от смерти, проходя сквозь ее владения, – освещает лицо того, кто при жизни считал эту душу «своей».

*

Чтобы лучше понять жизнь, возможно, стоит оказаться в непривычных, даже опасных обстоятельствах. Размеренность усыпляет.

Большинство людей никогда не простят вам, если вы их чем-то сильно удивите, ошеломите. Самое главное для них, чтобы всё вокруг было в точности расписано, отлажено, предсказуемо.

*

Я вошел в этот мир ногами вперед и быстро, как вор. Тело матушки еще сотрясали

болезненные схватки, а я уже явился, несколько не задержавшись и никого не предупредив. С тех самых пор я хожу по-своему даже проторенными тропами.

36

Тщетны любые попытки уклониться от религии, неважно, близок ты от нее или далек; что до меня, я с самого детства сделал ее своей наставницей, но воспринял от нее лишь то, что могло бы в будущем стать частью грандиозного жизненного замысла.

Войдя в сознательный возраст, я никогда не считал никого «падшим», и никакие различия между людьми меня не заботили. Я вел себя со всеми одинаково, исходя из того, что это существа одной со мной природы; богатство и бедность, общественное одобрение или порицание были мне в равной мере безразличны. Такое отношение всегда возникало спонтанно, инстинктивно, словно по наитию.

*

Любая несправедливость, любая неблагодарность со стороны мне подобных не способна меня ранить. Некоторые желают мне тюрьмы и смерти, не подозревая, что для меня это звучит пожеланием оказаться в саду наслаждений.

Мой внутренний палач властвует над всем, кроме одного – моей способности обращать пытки в наивысшие удовольствия.

В сравнении с остальным миром каждый из нас – ничто. В сравнении с Богом, в слиянии с Ним каждый из нас – Всё. Но в полной мере насладиться великолепием своего истинного существа можно лишь отрешившись от всего остального. Некогда в Дижоне собирались колесовать одного преступника; прежде у него не было ни времени, ни возможности подумать о Боге и о себе самом, и он признался исповеднику: «Уже совсем скоро меня навсегда отделят от всех добрых людей, а мою лучшую часть – мою душу – от меня; но даже вид того страшного механизма, который это совершит, не мешает мне задуматься: будет ли это высшей мукой или высшим счастьем?»

Человек становится великим, лишь освободившись от всего лишнего, сведенный к одному лишь своему сознанию, которое есть место его славы. Лишь когда нечего больше терять, осознаешь истинного себя, которого утратить невозможно.

Там, где я пребываю, меня не настигнут ни славословия, ни проклятья.

Для некоторых людей быть инкогнито – единственный способ чувствовать себя невиновными. Как только их узнали, они чувствуют себя застигнутыми на месте преступления.

Для меня всё наоборот.

Моей души – незыблемой, неприступной, неизменной – мне достаточно. Мне не нужно было всю жизнь заставлять себя поверить в ее крепость, в ее непоколебимость, в ее великолепие, чтобы убедиться, что никакая сила не уничтожит ее, не сломит и не омрачит.

38

Если чувство собственного величия сопровождает душу даже в позоре и унижении, оно воистину величайший дар Творца. Для меня оно всегда остается единственным неугасимым лучом, согревающим душу, даже если со стороны кажется гордыней.

Границы моего существа гораздо шире тех, что установил для него я сам; нечто во мне знает об этих владениях и регулярно их навещает, – но мое сознание способно проникнуть туда нечасто и лишь случайно, всякий раз повергая меня в величайшее смятение.

Основой моего существа является уверенность в том, что я свободен и бессмертен. Я проник в свою суть. Именно там я пребывал и пребываю всегда, одинокий и неуязвимый.

Разве может Бог упрекать меня за то, что я так дорожу этим бесценным даром, который Он передал мне через меня же и который я никогда и ничем не смог бы возместить?

Мне досталась частичка вечности, принадлежащая мне всецело и безраздельно; отныне любые блага представляются мне ничтожными и бесполезными в сравнении с моей душой. Ее величие, от века заложенное в моей природе, никто, даже я сам, не в силах приумножить или расточить.

*

39

Достоинство изначально присуще моей душе – и ни честь, ни бесчестье не затрагивают его никоим образом и даже не помогают составить правильное суждение о нем.

Каждая душа настолько одинока, что ее сияние можно сравнить лишь со светом звезд, особенно самых дальних.

Всё, что можно было у меня отнять, оспорить, я давно отдал или оставил по доброй воле. В сущности, я никогда им и не владел, не придавал большого значения и не наделял особым статусом по сравнению с собой самим, хранящим то единственное, что не заберут у меня ни черви, ни люди, ни демоны, ни ангелы, то, на что не посягает даже Бог, считая неотъемлемой частью меня, – когда вспоминает обо мне и запрещает своим ангелам проникать в мою тайну.

Мне дорого только это владение, где я чувствую себя недосягаемым, – недоступное даже для Бога, не говоря уже о демонах и палачах.

*

Мое бескрайнее ложе раскинулось под необъятным небом.

Бог сотворил его Своими руками во времена Хаоса, и я ощущал его первозданную свежесть задолго до того, как познал на нем блаженство полного слияния с Творцом.

40

*

Явившись на свет в свой час в назначенном месте, я почти не отличаюсь от того, каким меня сотворил Бог, даровав мне мою натуру, и от того, каким сделал себя сам, сформировав свой характер. Религия, раса, страна и ее обычаи – лишь незначительные детали.

Каких бы прав мы для себя не требовали, от самых насущных до самых незначительных, – истинная свобода каждого остается вне всяких посягательств, с другой стороны мира, во всем своем великолепии, даже если кому-то до самой смерти так ни разу и не удалось увидеть ее божественное сияние.

Вселенная – всего лишь фантазмагория, немногим более связанная и логичная, чем наши сны.

Любые внешние ограничения – просто обман, оптическая иллюзия, к которой равнодушен каждый, кто знает, где на самом деле пребывает его сущность.

Бесценное преимущество, которое возникает из практики безупречной внутренней жизни, состоит в том, что можно полностью игнорировать всё не относящееся к ней.

В процессе этой игры обретаешь сходство с бильярдным шаром – становишься таким же круглым и гладким, и ничто больше не может тебя опрокинуть или зацепить. Никаких преград! Можно свободно вращаться вокруг своего Солнца, не обращая внимания ни на что другое.

41

В горней вышине или в бездне, куда может вознести или низвергнуть меня рок, я равнодушен к нему. Ничего уже не прибавить к моему счастью, и нет места несчастьям в тех эмпиреях, где я пребываю. Я недостижим для риска и случайностей. Я неуязвим.

В моей жизни больше нет «событий».

Я не могу полностью поверить в реальность иных радостей и страданий, чем те, что возникают изнутри меня самого.

Ничто не способно вывести меня из того близкого к религиозному экстазу состояния, в котором я пребываю, чувствуя себя вознесенным над всей земной протяженностью и приближенным к Богу. Всё ускользает от меня, кроме сущностного – как и я сам ускользаю от всего, кроме него.

Всё, что я делаю, всё, что я есть, – в силу того, что оно далеко от всего остального, что делается, что говорится или может быть сказано или сделано, – не имеет никакого отношения к добру и злу, хвале и хуле. На моем неизведанном берегу нет ничего «предметного».

*

42

Х.: – Больше всего мне нравится ставить людей на место.

Я: – Мне достаточно сохранять мое собственное.

Если бы я никогда не был тем, кто согласился с предписанной ему ролью, я бы действовал и реагировал на чужие действия самостоятельно; если отдавать себе в этом отчет, не растратишь жизнь впустую.

Людовик XIII говорил: «Будь у меня те же чувства, что у всех остальных, я бы не был королем». Некоторые вправе сказать: «Будь у меня те же чувства, что и у всех остальных, я бы не был собой».

Иногда я спрашиваю себя, достаточно ли я верен той благодати, которой обязан всем? Не предаю ли я ее, погружаясь в тоску? Не отворачиваюсь ли от нее, сам того не сознавая, когда отвлекаюсь на что-то, не стоящее внимания, – на фальшивые бриллианты, заставляющие забыть об истинном благе?

Я неустанно пытаюсь сосредоточиться лишь на том, что воистину моё.

*

Человек велик, лишь когда он один. Я хочу сказать, что он теряет свое чувство величия сразу же, как только перестает быть в одиночестве.

43

Кто еще, кроме вас, способен распознать в вас того, кто вы на самом деле?

Во мне есть нечто, придающее всему, что бы я ни делал, всему, чем бы я ни был, некую отстраненность. Дело не в моем уме, воображении или чувствительности – здесь я мало чем отличаюсь от большинства людей, – но, возможно, в моей необычной для многих манере относиться к самому себе, к Богу и к людям. Возможно, это небольшое отличие, но оно становится главным поворотным пунктом, с которого начинается необратимое преобразование личности и во всем остальном. Трудно отдавать себе в этом отчет, поскольку всё необычное почти не поддается описанию. Может быть, я просто лучше остальных умею сделать для себя праздником ту жизнь, которая мне дана, и всё, что дает мне жизнь.

Каждый по-настоящему обладает лишь тем, что знает только он. Горе тому, кто жалуется, что не может поделиться своей тайной!

Он ничего не понял в том, что составляет награду всей его жизни – внутренней жизни, равно как и в достоинстве.

*

44 Никакая опасность не грозит душе, никакое омрачение не фатально, коль скоро ее сакральная суть остается неповрежденной. Напротив, ими она обогатит свой опыт, свое знание мира и себя самой. Точно так же болезни, после которых физическое тело выздоравливает, укрепляют его иммунитет, из-за чего оно становится неуязвимым для их повторных атак. После нескольких подобных случаев оно становится почти непобедимым – я хочу сказать, смерть для него возможна лишь от старости.

Как мог бы прекратить существовать и одновременно перестать быть свободным тот, над кем никто и ничто не властно ни в этом мире, ни в ином? Воистину, в тот момент Небо рухнуло бы на Землю! Разве сам Творец не является гарантом неотъемлемых прав, которые он раз и навсегда даровал каждой душе, навеки запретив Себе что-либо предписывать ей против ее воли, равно как и уничтожать ее?

Порой, отказавшись от света, отринув Божью милость, человек остается наедине со своей греховностью – иными словами,

внезапно с изумлением осознает свое присутствие во Вселенной. Он колеблется между страхом и гордыней, на пути от одной крайности к другой проходя стадию безмятежности – и на ней, возможно, ему удастся в конце концов остановиться.

*

45

Рогалик луны над соседней крышей, два моих белых голубя, спящие клюв к клюву над дверью, единственная неувядшая роза в саду этой ночью являют мне целый мир, к которому я всеми силами стараюсь быть достойным принадлежать. Я невольно спрашиваю себя, как же должен выглядеть Рай, чтобы понравиться мне больше?

В минуты покоя мне случается иногда испытать прилив нежности к самому себе. Тогда словно бы что-то прорывается изнутри, и по моему лицу потоком струятся слезы – горячие, обильные, беспричинные. В эти минуты я ощущаю ни с чем не сравнимое умиление.

У сердца свои оковы, непостижимые для ума.

*

Зрители приходят в театр, чтобы отождествить себя с героями пьесы, которые говорят

возвышенным стилем и участвуют в грандиозных событиях, – поскольку их собственная короткая и приземленная жизнь не предоставляет им такой возможности. Каждый мечтает хоть ненадолго вообразить, как сжимает в руке меч или падает, пронзенный чужим мечом, на ступени беломраморной лестницы с золочеными перилами, – прежде чем вернуться в свою привычную конуру или дешевый кабаk, втайне стыдясь того, что он всего лишь тот, кто он есть, кем он согласился быть.

Что до меня, вся моя жизнь – нескончаемый спектакль. Мне достаточно моей собственной легенды, за пределами реальности, которую она позволяет мне либо не замечать, либо преодолевать и преобразовать.

*

«Таких, как она, никогда не было и больше не будет». Почему только Александрина Бланше* вызывает у меня подобную мысль? Вероятно, потому, что она показала мне самый наглядный – и самый первый – пример того, как в любых жизненных условиях можно полностью оставаться собой, единственным и незаменимым в памяти Бога.

Если бы я был христианином вследствие личного выбора, а не каких-то иных причин,

* Александрина Бланше (1861–1936) – тетка Марселя Жуандо, героиня его автобиографических книг.

не связанных с ним, – я был бы христианином вдвойне, поскольку именно христианство дает моей душе, моему существу надежное ручательство их единичности, неповторимости во веки веков; именно оно убеждает меня, что только я один, каким я был, есть и буду, всегда останусь единственным, кто станет отзываться на мое имя и отвечать за всё, что я под этим именем совершил, и что Бог никогда не заменит меня никем другим и никогда ни с кем не спутает.

Именно это в наибольшей мере определяет для меня мою религию и привязывает меня к ней: величие, которое она мне придает и в котором меня убеждает.

Отказ от такой доктрины, от такой веры был бы хуже смерти, ибо означал бы духовную смерть, – ведь именно эта вера является основой моей внутренней жизни и неразрывно соединена с моей душой от начала времен, придавая главную ценность ее существованию.

*

– Когда изучишь себя полностью, – сказал мне как-то R., – в обществе самого себя начинаешь скучать.

Отнюдь. Мое существование может меня смущать, волновать, раздражать, – но оно неизменно меня захватывает, увлекает.

Возможно, излишняя самоуглубленность, крайняя сосредоточенность на самом

себе действительно могут вызвать усталость от себя – но только если в общении с собой не иметь достаточно такта и утонченности.

48

Религия означает осознание высшего Единства, единства Вселенной и бесконечного разнообразия составляющих ее сфер, где у каждого есть место, предопределенное от начала времен, и своя роль, своя партия во вселенском оркестре.

Иногда у меня возникает ощущение, что я вышел из темноты на яркий свет, и тут же меня коснулся невидимый луч, не имеющий ничего общего со светом и теплом нашего мира. Это и есть мой тайный свет.

Любое «существование» быстротечно.

Мадам де Куланж говорила, что даже самые долгие жизни длятся всего пару часов.

Кошмары, которые, как нам кажется, мучают нас всю ночь, на самом деле занимают порой не больше минуты.

Не помню, где я прочел: «Адам согрешил лишь минуту назад».

Мы не имеем никакого представления о «продолжительности», что бы ни думали сами на этот счет. Мы даже не знаем, когда родилась наша собственная душа.

«Я уже существовал, когда меня еще не было».

Если мне скажут, что даже в том бесконечно малом «существе», которое является «мною», уже есть всё, – я не буду с этим спорить.

*

В детстве мне стоило большого труда, просыпаясь по утрам, всякий раз привыкать заново именно к этому месту во всем мироздании, к самому себе, к череде одних и тех же безнадежно скучных действий, из которых состояли процедура одевания и утренний туалет.

49

Еще не открыв глаза, я машинально проводил руками вокруг себя, прежде чем перекреститься.

Может быть, меня сбивала с толку глубокая тишина, поскольку я просыпался очень рано, и всё, чего я касался, казалось погруженным в сон?

Я словно боялся разбудить Бога, ненароком задев Его.

Иногда среди бела дня, поднимаясь по лестнице, я слышу легкий скрип ступеньки и внезапно вижу отца и мать, идущих впереди. И вот в один миг я становлюсь участником торжественного шествия, одним из звеньев бесконечной цепи.

Я чувствую, как признаки близящейся смерти, которые я прежде замечал на лицах моих родителей, постепенно начинают про-

ступать на моем собственном, – и одновременно мои шаги становятся медленнее и тяжелее.

*

50 Когда день за днем садишься по утрам в один и тот же автобус, в одном и том же месте, а вечером там же выходишь из него, и во время пути всегда помнишь, сколько остановок проехал и сколько еще осталось, – начинаешь интуитивно ощущать всю относительность понятия времени. Так и представляешь себе наблюдателя, который, глядя откуда-то со стороны, видит все наши перемещения одновременно, – подобно тому как чтец, глядя на страницу книги, видит перед собой все буквы сразу, хотя воспринимает их в определенной последовательности.

Одна из моих характерных черт состоит в том, что я не поворачиваю головы, когда мимо проезжает автомобиль, и не смотрю вверх, когда в небе пролетает самолет.

Я не люблю ни излишней скорости, ни излишней медлительности. У меня нет никаких иллюзий по поводу прогресса.

Единственное, что меня устраивает, – пешая ходьба, поскольку она позволяет четко отмерять время в такт метроному сердца и замечать всё, что встречается на пути: пейзажи, лица, флору и фауну.

Человек хочет обогнать Время. Мы чувствуем, что живем, только пребывая в постоянной суете, спешке, нетерпении, – тогда как достаточно лишь воспользоваться любимым средством передвижения и оставаться в покое, либо просто делать шаг за шагом.

Когда мысленно видишь перед собой все те шаги, которые предстоит совершить, это обескураживает. Нужно представлять их себе последовательно, один за другим.

51

Для Времени не существует неодолимых преград и препятствий – оно уносит всё. Нас оно тоже уносит, неумолимо, невозвратно. Мы не в силах задержаться ни на миг, переходя из сегодня в завтра, из одной минуты в другую. Время – это наш единственный истинный, воистину королевский путь, и вместе с тем истинное волшебство: оно разворачивается перед нами, подобно ковровой дорожке. Препятствия существуют лишь в пространстве и в нашем воображении.

Больше всего меня втайне печалит потеря времени, как если бы всё, связанное с ним, имело ценность; но в этом я прав, коль скоро каждый миг моей жизни довлеет над всем моим будущим и будущим того крошечного мирка, к которому я принадлежу.

Ограничиться лишь «вечным» означало бы всё бросить и удалиться на покой раньше срока.

«Умение жить» – это умение хорошего ткача, следящего и за нитью, и за основой.

Уделяя внимание наиболее важным вещам, не стоит также забывать о вещах мелких и незначительных. Равный интерес к тем и другим делает ваше видение не только острым, но и всеохватным.

52

*

«Ищешь его, даже когда он здесь», – говорил Боссюэ.

Возможно ли найти Бога даже там, где Его нет, – исходя из того, что Он вездесущ?

О, первозданное изумление в глазах, впервые узревших все вещи мира такими как есть! Слишком мало душ обретают на своем пути незамутненное видение первого дня творения, возвращаясь к тому заветному источнику, где скрывается тайна нашего бытия.

Именно там происходит завершающее движение мысли, которая исполняет свой последний обет – восстановить нашу связь с Предвечным. Самая возвышенная молитва – та, которая не просит ни о чем, преисполненная радости возвращения к своему Первоначалу.

В любой момент, в любом месте можно закрыть глаза на эту сторону мира и не видеть больше ничего «актуального». Это свое-

го рода способ молиться. Можно так же легко вернуться в прежнее состояние, в определенную точку времени и пространства, как только осознаешь необходимость возвращения – и сразу вслед за тем его тщету. В самом деле, почему я здесь, а не где-то еще, на этой дороге, на этой кровати, в окружении этого пейзажа? Почему у меня именно это лицо, а в руках я держу именно эту книгу?

53

Ты и я, Боже, – вот мое истинное прибежище!

Всегда оставаться во владениях собственной души, где ничего не происходит, где нет ни желаний, ни сожалений. Терпеливо прокладывать путь к своей сущности, достигать ее, обретать – и вместе с нею обретать вечно сущего, вечно неизменного – Предвечного.

*

Большинство людей тратят всю свою жизнь на то, чтобы завязать отношения, значимые лишь для их тщеславия, и не знают, в какой религии жить и умереть.

Вечная юность Бога трогает меня всё сильнее по мере того как я старею; моя собственная жизнь всё больше кажется мне чем-то вроде анекдота.

Бог обитает в зеленой беседке, среди благоухания юной свежести. Какая нелепость – приписывать Ему обличье старца!

В бесчисленных чертогах Своих, Всевышний, Ты отдыхаешь, как Солнце в каждом поднебесном краю, что оно освещает.

В три часа ночи мной овладевают страх и беспокойство, словно бы на своих взрослых плечах я ощущаю груз сожалений ребенка, которым когда-то был, о том, что не стал священником. Но разве я им не стал?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Религия приходит на помощь в пору тех жизненных крушений, из которых, кажется, нет иного выхода, кроме полного отчаяния, безумия или самоубийства. Тех, кто никогда не сталкивался с серьезными угрозами, еще можно извинить за пренебрежительное отношение к ней. Однако по большей части причиной тому не безбедное существование, но слабое воображение, неспособное ни постичь, ни хотя бы признать то, что его превосходит. Профану неведома тяга к сверхъестественному – но отчего же он неустанно подтверждает плачевную узость своего мышления, отказывая другим в праве прибегать к религии, когда они испытывают в том необходимость? Воспринимать мистические озарения как психические аномалии означает иметь очень слабое представление о человеке, его возможностях, его уязвимых местах и истоках его жизненных сил. Такая ограниченность напоминает упрямство близоруких – будучи неспособны разглядеть от-

даленный пейзаж, они отрицают самое его существование, даже несмотря на свидетельства находящихся рядом людей с хорошим зрением, которые видят этот пейзаж во всех подробностях прямо сейчас.

*

56

Я всегда оставался католиком, и все духовные ориентиры, некогда существовавшие вне меня, стали частью моего существа. Но в этой внутренней зависимости, в этой привязанности – как свободно я парю!

Считать себя христианином может и самый примитивный человек – с не меньшим основанием, чем самый утонченный. С точки зрения христианства имеет значение лишь душа каждого из них, неповторимая, несравненная.

Испанскому королю однажды предложили осудить одного из его подданных не за преступление, но лишь за намерение. Он отказался, сославшись на то, что не является «королем душ».

*

Схизмы и ереси считаются таковыми лишь по отношению к ортодоксальной религии, к которой в полной мере никто не принадлежит.

То, что наш мир продолжает существовать, само по себе является доказательством

царящего в нем идеального порядка – не смотря на кажущийся хаос. Все ощущают это интуитивно, и лишь немногим открывается суть вещей.

Без сомнения, истина – лишь сумма всех возможных ошибок, которые, ограничивая и опровергая друг друга, в результате друг друга исправляют. Сама Природа являет нам это бесконечное разнообразие в Единстве.

57

*

Кто-то из «этих господ из Порт-Ройаль» (кажется, Антуан Ле Мэтр) утверждал, что жизнь каждого святого, если внимательно ее изучить, являет собой теодицею – как если бы Бог творил мир заново для каждого из нас, и этот мир был совершенен в той мере, в какой мы были бы способны оценить труды Творца. Что до меня, я бы предпочел сказать, что, внимательно изучив свою историю, каждый – в той мере, в какой он является особенным, неповторимым, – способен, не выходя за рамки той религии, к которой принадлежит, создать для себя свою особую, частную религию.

Я католик, но моя религия – только моя.

Порой я чувствую себя отцом всех людей на свете, порой готов поверить во всё, что только можно вообразить. Ни одна религия мне не чужда – любая из них может открыть мне что-то новое о Боге и обо мне самом. Но моя собственная мне наиболее близка, привычна

и гораздо лучше приспособлена к моим нуждам. Говоря «моя собственная», в первую очередь я, конечно, подразумеваю ту, в которой был рожден, но еще более важна для меня та, что моя и больше ничья. На небесах моей души, основанием которой она служит, сияет разгадка ее тайны.

Образ мыслей и действий моих родителей всегда остается для меня примером. Какое отвращение они испытывали к любым проявлениям конформизма! При всем уважении к религиозным догмам и духовным лицам они обращались с теми и другими абсолютно свободно.

У сильных мира сего почти ничему невозможно научиться (они зачастую сильны только по названию и связаны бесчисленными условностями). Но весьма многому можно научиться от маленьких людей, которые неустанно импровизируют каждый свой жест.

Самая большая опасность – впасть в безразличие, когда становится всё равно, чего хотеть – лошадку или Бога.

Моя мать перед смертью освободила меня от всего, кроме «своей религии», – но это была религия только ее и никого другого.

Слишком независимый для того, чтобы быть католиком или не быть им, я ношу в себе именно те болезни, которые моя религия может исцелить.

Бог не всегда приходит к нам привычными путями; некоторые из людей, возможно, сами по себе обладают всем необходимым, чтобы создать для себя религию в точности по своей мерке, при этом не выходя за границы общепринятых среди их собратьев верований. Примеры тому – Сократ в Афинах и Сципион в Риме.

Самые первые движения, которые мы совершаем, и самые первые предметы, на которые мы смотрим при пробуждении, оказывают на нас поистине магическое воздействие. Служители культа это знают и заботятся о том, чтобы ни те, ни другие не были случайными. Что бы мы ни делали, нам нелегко избавиться от влияния “*Credo*”, впитанного с молоком матери и повторенного сотни раз шепотом в детстве. Оно продолжает жить и звучать в нас – без нас, несмотря на нас, вопреки нам. Даже если мы сделали всё, чтобы отречься от него, – большинство наших чувств и поступков порождены им.

Никогда я не был в большей степени христианином, чем в те моменты, когда мне казалось, что я им уже не являюсь, – как если бы видимость отнимала долю истинного и только мешала тем таинственным силам, которые управляют тайными движениями

души, вести ее правильным путем. Большинство поступков мы совершаем словно под гипнозом, по наитию, не советуясь с собой. Часто говорят, что это наши предки ведут за руку того несмышленного ребенка, которым когда-то был каждый из нас.

*

60

К вере неосознанно стремишься. Касаясь рукой лба, чтобы осенить себя крестом («Во имя Отца...»), но когда ведешь ее вниз, к центру живота («...и Сына»), твое внимание ускользает, – и вот Святой Дух, которого ты забыл упомянуть, заполняет собой эту случайную паузу, делая едва намеченный жест завершенным.

Язычник во мне упорно отвергает христианство. Возможно, край, где я родился, отчасти стал тому причиной. Наши реки, леса, дольмены – всё противится Кресту. Конечно, мудрость Бианта Приенского ничуть не более естественна, чем безумие Евангелия. Что до меня, я предпочитаю ангелам кентавра, избранного Солоном в качестве символа мирного господства души над телом. Отсюда вечные противоречия между врожденными свойствами моей натуры и привычками, сформированными воспитанием. Отсюда вечная борьба с самим собой, жестокая, страстная, трагическая.

Кельт остается буйным и своенравным, даже будучи приобщен к римской культуре; ему трудно ужиться с иудеем (ведь любой христианин, кем бы он ни был по происхождению, родом из Израиля).

Поэтому католицизм, способный хоть немного примирять, сочетать мои языческие корни и христианские устремления, – единственная религия, приемлемая для меня.

61

*

Одинаково сложно, повзрослев, хранить верность религиозным догмам, наполнявшим волшебным очарованием наше детство, и идти к Богу без них.

Религию, в которой человек родился, он не выбирает, так же как и место рождения. Это окно, из которого он видит мир. Неважно, как выглядит окно и даже мир – ни то ни другое от нас не зависит, – важно, как мы себя ведем.

Мы здороваемся и прощаемся друг с другом, встречаясь и расставаясь. Но еще важнее – приветствовать жизнь и проститься с нею, как подобает. Эти два момента – первое приветствие и последнее прощание – должны быть безупречными, как отрепетированные фигуры танца. Для того, чтобы они стали таковыми, и существует религия.

Самое естественное и самое необходимое для любой религии – ритуалы, которые она предписывает. Например, в книгах, написанных иезуитскими миссионерами в Китае XVII века, наглядно показано, что даже самым образованным и утонченным народам в повседневной жизни хватает одного-единственного свода предписаний о том, как подобает вести себя в общении с теми или иными обитателями Земли, Неба и Преисподней.

На двух противоположных концах мира христианство и даосизм отвечают одним и тем же человеческим потребностям, и, возможно, от обеих сторон требуется лишь признать это, отказавшись от всякого прозелитизма, чтобы стать воистину мудрыми, – тем более что, может статься, христиане смогли бы получить больше уроков от китайцев, чем те от них, касательно умения жить.

Вежливость – безличная форма почтения; к ней не стоит добавлять ничего от себя, если не хочешь вызвать роковых недоразумений и обманутых надежд. Человек благородного происхождения не может обходиться без религии в той же мере, что и без вежливости, но при этом, разумеется, в глубине души не довольствуется одними лишь предписанными чувствами – именно те, что су-

ществуют помимо них, и составляют его истинную суть.

Лишь немногие способны изобрести свою собственную манеру в отношениях со Всевышним. Некоторые порой отвергают веру лишь для того, чтобы окунуться в пучину суеверий.

Как вести себя перед лицом смерти? Для большинства людей самое лучшее – прибегнуть к устоявшимся обрядам.

Ритуалы полезны в той мере, в какой помогают справиться с замешательством и избежать грубых промахов, когда речь идет о выборе слов, которые подобаает произносить, и действий, которые подобаает совершать в особых жизненных обстоятельствах.

Религии различаются в зависимости от эпохи и географии. У каждой – свои особенности, свой характер, свой взгляд на «природу вещей», который она подробно излагает и рекомендует нашему отвлеченному благочестию.

Их мнения о «божественной сущности» также могут варьироваться. Но они ни в коей мере не отрицают существование «сакрального».

Все религии истинны в той мере, в какой являют собой отражение непостижимой мистерии, но для каждого человека наилучшая из всех – та, в которой он был рожден (хотя кто-то может предпочесть другую из-за ее

большей суровости или более возвышенного взгляда на вещи).

64

В остальном я склонен доверять мнению отца Жозефа, «серого кардинала», который на склоне лет писал настоятельнице ордена «Девы Голгофы», созданного ими обоими: «По зрелом размышлении, я готов поверить, что жизнь есть сон. И, за исключением нескольких незначительных отличий, я не вижу разницы между христианами, язычниками и турками».

*

Вера, впрочем, имеет столь же мало общего с соблюдением религиозных обрядов, сколь с добродетелью. От тех, кто регулярно посещает храмы, зачастую ускользает величие мистерий, которые становятся для них обыденными. Ни сознание, ни жизнь многих верующих не отличаются той возвышенностью, которой обладают внешне почитаемые ими объекты. Исключение составляют святые, а порой и грешники – когда предаются греху от всей души.

Когда мужчины и женщины Великого Века упоминают христианство в своих письмах и сочинениях, трудно поверить, что для них речь идет о доктрине не только привычной и хорошо знакомой, но затрагивающей самую их сущность. Скорее можно

предположить, что это нечто вроде условного обозначения свода правил, о котором считается хорошим тоном упоминать на словах, а также – в особых случаях – сообразовывать с ним свою манеру поведения; однако он не имеет никакого отношения к тайной жизни души.

Для современника Расина непостижима самая мысль о том, что можно не быть католиком, но в равной мере – о том, что можно называть себя католическим писателем и тем паче романистом.

65

Однажды Людовик XIV велел позвать к себе герцога Шартрского и сказал ему: «Мой племянник, о чем вы думали, когда брали к себе на службу янсениста?» – «Я? – ответил удивленный герцог. – Такого я не брал!» – «Вы взяли человека, мать которого – янсенистка». Герцог улыбнулся: «Уверяю вас, Ваше Величество, что сам он не янсенист. Он даже в Бога не верит!» – «Ах, только это... – отвечал король. – Ну что же, если вы действительно ручаетесь мне, что он не янсенист, а всего лишь безбожник, можете его оставить».

*

Даже незначительная доля заблуждения, содержащаяся в любой истине, способна бросить на нее тень и затруднить согласие с нею; но даже частица истины, заключенная в лю-

бой религии, достаточно для того, чтобы ее адепты сохранили ей верность.

Религия являет собой разновидность языка: она позволяет нам посредством общепринятых знаков, символов, вокабул приблизиться, насколько это возможно, к пониманию непостижимых мистерий.

66

Мне представляется, что любая религия истинна настолько, насколько главные ее мифы способны нас растрогать; насколько очевидно несоответствие между провозглашаемыми ею целями и нашим повседневным убожеством.

*

Может статься, что религия зиждется не столько на объекте своего поклонения, сколько на преданности своих приверженцев. Она не снаружи, а внутри нас.

Порой я говорю себе, что у меня есть нечто большее, чем вера. Любая вера мне близка, поскольку я более восприимчив к тому, что между ними общего, чем к их различиям, которые шокируют тем меньше, чем больше дают пищи для ума и воображения.

Уже в античной космогонии можно обнаружить события, сходные с изложенными в Книге Бытия, и все те черты, что в той

или иной мере присущи любой религии: сотворение из первозданного Хаоса Неба и Земли, рождение Крона, в свою очередь, породившего Зевса, – и сразу же возникшее противостояние отца с его властолюбивым сыном, возмечтавшем свергнуть родителя с престола.

*

67

Опасность, грозящая разрушить связь человека со Всевышним – основу нашей религии – состоит в подмене этой связи знаками и символами, которые сами по себе – лишь ее внешнее проявление, форма.

Х. предпочитает мистическим откровениям святой Терезы мистику Хуана де Ла Крус, потому что в ней «меньше Христа». «Религия, – утверждает он, – хороша и истинна в той мере, в какой она может обойтись без посредников, чтобы всецело углубиться в свой объект. Служители культа и их обряды – явления преходящие и уже почти отжившие». Однако большинство людей неспособны освободиться от внешней шелухи.

*

Как странно присутствие этого неизвестного молодого человека, обнаженного под своим покрывалом, ночью в Гефсиманском саду! В Евангелии от Марка говорится: «Один юноша, завернувшись по нагому телу в покрывало, следовал за Ним; и воины

схватили его. Но он, оставив покрывало, нагой убежал от них»*. Вот явный признак подлинности Священного Писания – случайная живописная деталь, приведенная без всякой связи с основным повествованием.

68 Есть вещи, в которых отдельные христиане порой не осмеливаются признаться никому, даже самим себе, – например, что Христос стал им не нужен, почти чужд.

Вслед за этим осознанием наступает смятение. Архитектура и интерьер души, хочет того ее обладатель или нет, сохраняет пропорции и формы Креста – изначальные, устоявшиеся, которые невозможно ни отменить, ни изменить. Любые усилия тщетны. Именно в церковь люди несут свои заботы, какими бы ни были ее новые божества, и всё, что в ней раньше было простым и очевидным, неизбежно становится двойственным, двусмысленным.

Христос существует в Себе, в истории, в теологии и в каждом из нас. Если бы чего-то не было в Христе, этого не было бы и в мире, отчего он оказался бы ущербным. Противостояние Христу – истинная суть язычества.

Христос всеобъемлющий! Сколь велико расстояние от Иисуса галилейского до евангельского, от Иисуса Марка и Матфея до Ии-

* Марк 14: 51, 52.

суса Иоанна и Павла, от Иисуса Отцов Церкви до Иисуса Фомы Аквинского, схоластиков, иезуитов!..

Аристотель, Платон, Плотин, гностики и многие другие посвящали свои труды христианству, даже когда оно еще так не называлось, – его вневременность никак не связана ни с историей, ни с хронологией.

69

Преображение Аполлона из победителя Пифона в солнечного бога потребовало долгой работы воображения, которое становилось всё более глубоким и утонченным, по мере того как образ древнего змееборца всё больше сливался с образом Солнца.

*

Профан, случайно оказавшийся на теологическом диспуте, скорее всего, решил бы, что его, как чужака, остальные намеренно хотят запутать, чтобы он не догадался об истинном содержании беседы, – как делают при посторонних, в той же бесстрастной и упорной манере, пациенты сумасшедшего дома.

Кребийон-старший описывал в своих трагедиях величайшие ужасы, которые про-

изводили на его сына* откровенно комическое впечатление.

Для того чтобы принять некоторые формы искусства, равно как и некоторые идеи, требуется очень высокая степень интеллектуальной деградации, тем более неосознанной и неконтролируемой, чем шире распространенной.

70

*

Рассмотренные со стороны, теологические концепции, подобно античной космогонии, выглядят как сказочное описание мира.

Но есть ли среди них хотя бы одна полностью ложная?

*

Новизна христианства в том, что оно сумело извлечь из чисто иудаистической концепции Единого Бога понятие Божественной Троицы – основу новой теодицеи, которая, по сути, являет собой героическую эпопею с тремя участниками.

* Проспер-Жолио Кребийон-старший (1674–1762) – драматург, член Французской академии. С 1735 года занимал должность литературного цензора.

Клод Кребийон-младший (1707–1777) – романист.

Было бы очень интересно узнать, когда идея о Троице впервые появилась в истории религиозной мысли. Не зародилась ли она еще в книгах Ветхого Завета? Но если да, то она оказалась весьма тщательно скрыта. В Пятикнижии Бог именуется «Адонай» или «Элохим» – то и другое имя в оригинале имеют форму множественного числа, но это лишь знак почтения, должный выразить величайшее могущество Всевышнего. В Книге Бытия Бог обращается к Себе во множественном числе: «Сотворим человека...»^{*} – что, впрочем, может оказаться простой фамильярностью. Моисей говорит о «Боге Авраама, Исаака и Иакова», но это не дает нам никаких сведений о числе божественных ипостасей. Некоторые неявные указания на Троицу содержатся в псалмах – «Меня не оттолкни, не отбирай Святого Духа и не лишай меня Тебя»^{**} или «Сказал Господь Господу моему...», «...из чрева прежде денницы подобно росе рождение Твое»^{***}.

Идея о Троице, с наибольшим основанием приписываемая Иоанну и Павлу, впервые озвучивается (хотя, возможно, является более поздней вставкой) в Евангелии от Матфея, в третьей главе, где идет речь о креще-

* Быт 1:26.

** Псал 50:13.

*** Псал 109:1, 109:3.

нии Иисуса: «И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, – и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се глас с небес, глаголющий: Сей есть Сын мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение»^{*}. Именно здесь происходит разрыв между Ветхим Заветом, всецело основанным на идее Единого Бога, и Новым Заветом, основанным на идее Божественной Троицы.

Новизна христианства проявилась в изменении самого основания предшествующей религии, – и это лучше всего объясняет глубокую и оправданную ненависть к нему сынов Израиля. Символ веры – это описание деяний и свершений Святой Троицы. Без этого разрыва с монизмом торжество христианства было бы невозможным.

Бог-Отец создал Природу – место первой встречи Бога и Человека.

Святой Дух, после падения первого Божьего создания, дал рождение Иисусу, сотворив тем самым более благоприятную среду для отношений Бога и Человека. И вот природный мир сменился сверхприродным – миром Благодати.

Божественное Воплощение – по сути, второе Творение, «пере-Творение», столь же грандиозное, как первое, которое подготовило и обусловило его, – но если первое было

^{*} Матф 3:16, 3:17

подчинено законам логики и разума, то второе основывалось на новом, всепобеждающем законе Любви.

*

В Христе сходятся Бог и Человек: «Никто не приходит к Отцу, как только через Меня»*.

73

*

Лучшая апология христианства, какую только можно вообразить, – это попытка представить себе, чем были бы без него последние две тысячи лет. Да, оно не помешало произойти чудовищным событиям, и даже послужило причиной для многих из них, в том числе наиболее масштабных. Но сколько возвышенных поступков было им вдохновлено! Сколько в его честь было создано шедевров! Сколько людей без него не имели бы ни сил, ни возможности превзойти самих себя!

Для меня, обязанного своему христианскому воспитанию способностью оставаться счастливым, даже когда мне не хватает буквально всего, было бы неблагодарностью не вспоминать о нем ежедневно со слезами на глазах. Возможно, быть христианином означает испытывать священный тре-

* Иоанн 14:6.

пет перед самим собой и любым другим существом, – трепет, который наполняет душу в ожидании Страшного Суда и являет собой лучшее доказательство ее божественного происхождения.

*

74

Зачастую больше религиозного пыла в нарочито вызывающем кощунстве безбожника, чем в искренней набожности ревностных богомольцев. Мир держится на грани между тем, что о нем воображают, и тем, что он есть. Один называет себя верующим, но в глубине души сомневается в этом; другой находит в себе силы быть атеистом вопреки вере, живущей в его сердце.

Чрезмерная увлеченность религиозными обрядами или укоренившаяся привычка их выполнять мешает постичь их глубинный смысл. Поэтому от религии больше вреда для святош, чем для неверующих.

Порой благоговение перед святыми таинствами побуждает нас отстраниться от них.

Храня в душе веру, но не соблюдая предписанных ею обычаев и не совершая благих дел во имя ее, некоторые предпочитают не исповедовать свою религию напоказ, чтобы ее не компрометировать.

Кого мы назовем фарисеем – грешника, добровольно и смиренно исключившего себя

из собрания благочестивых, или набожного фанфарона, полагающего себя праведником?

Более того, возможно, что именно глубоко укоренившееся религиозное чувство заставляет некоторых людей отказываться от принадлежности к любой религии – они испытывают шок, видя, что самые ревностные благочестивцы обнаруживают свойства, которые, согласно их вере, должны быть полностью им чужды.

75

Это относится, например, к тем, кого религия учит презирать материальные блага, – но они едва ли не более всех к ним привязаны. Ничего удивительного, если забота о «вечных благах» и желание их заполучить – для них лишь наивысшее проявление стремления к накопительству, самолюбия и алчности.

Надежда на вечную жизнь, в которой все их заслуги, все добрые дела будут вознаграждены по достоинству, для большинства людей, увы, – не что иное, как примитивный материальный расчет, предполагающий наличие даже в ином мире какой-то своей бухгалтерии, как будто им недостаточно сделок, заключенных в земной жизни.

Стоит признать, что избыток и недостаток религиозности странным образом схожи.

Неудивительно, что на католицизм вылило столько грязи! Он обращал людей – но обращенные были всего лишь людьми. Неспра-

ведливо было бы вменять ему в вину все те мерзости, что исходят только от нас.

Сущностное в католицизме – его чистота, которую он сохраняет вопреки нам, так же как мы сохраняем в себе скверну вопреки ему. Поскольку человек является единственным проводником вечных истин к самому себе, едва ли возможно избежать этого тесного сближения света и тьмы.

76

*

Но как опасно превратить Бога и Его заповеди в идею, которая отдалит нас от Него! Нет большей вины, чем разрыв с Богом, – хотя из всех наших ошибок, провинностей и слабостей нет ни одной, которая бы Его удивила или оскорбила. Ничто не может сделать Его чуждым нам и чему бы то ни было.

Даже в самом глубоком уничтожении ощущение присутствия Бога – всё, что нужно человеку, чтобы сохранить непреходящее достоинство.

*

Чем более возвышенна религиозная доктрина, тем выше вероятность, что человек ее отвергнет. Чем больше она требует, чем больше побуждает его стать совершенным, тем более тоскливой и унылой предстает в его глазах – ведь он слаб, ограничен, более скло-

нен угодить себе, чем держать себя в строгости, предаваться разврату, чем хранить целомудрие, опускаться еще ниже своего изначального уровня, чем подниматься над собой.

*

К счастью, меня отдаляет от религиозных обрядов нечто более сильное, чем религия, и в то же время ей не чуждое – чрезмерная требовательность (свойственная порой влюбленным) и к ней, и к себе самому. Я никогда не доволен ею всецело, так же, как и она – мной. Именно поэтому я держусь от нее на почтительном расстоянии. Возможно, со стороны я кажусь равнодушным к религии человеком, но на самом деле я религиознейший из людей.

77

К тому же и сама Церковь иногда предпочитает отделить себя от лучшего, что в ней есть, чтобы не скомпрометировать его собой и сохранить неповрежденным и незапятнанным тот священный дар, который ей суждено пронести через века. Разве кто-то кроме нее способен испытывать столь глубокий ужас перед угрозой разрыва апостольского преемства?

*

Некоторые люди, подобно птицам, не могут упасть – их словно держат невидимые крылья.

Примером истинной веры могут послужить слова Терезы из Лизье – Святой Терезы Младенца Иисуса и Святого Лица. Однажды она споткнулась и едва не упала, но, стараясь удержать равновесие, забыла о самой угрозе падения и закричала старшей сестре вместо «Я падаю!» или «Я боюсь упасть!» – «Вероника, я не могу упасть!» Эта убежденность, даже в трудных ситуациях, ее спасала. За всю свою жизнь она не упала ни разу.

Пожимая мне руку, почти каждый восклицает: «О, да у вас, кажется, жар!» Возможно, я и впрямь постоянно в жару, сам того не зная (я никогда не меряю температуру). Так бывает у птиц, которые почти непрерывно машут крыльями. Некоторые из них, по наблюдениям орнитологов, от этого даже умирают. Может быть, и со мной происходит что-то подобное?

*

Преисполненный чувства, что всё в жизни священо, даже мои грехи – разумея под этим грехи плоти, – я предаюсь им с религиозным трепетом. Правда, само христианское понятие греха уже не относится к язычнику, которым я становлюсь, когда совершаю его. В таких случаях я просто перехожу от одного культа к другому – от своей религии к религии Природы, к религии Пана.

Избавившись от порожденных нашей собственной фантазией волшебных или кошмарных существ, чарующих или ужасающих нас, мы погрузились бы в ледяное безразличие, бесконечно далекое и от жизни, и от смерти.

Я часто замечаю, что мне сложно отнестись с симпатией к человеку, полностью лишенному чувственности, равно как и к тому, кто отказывает сверхъестественному в праве на существование. Мы с ними словно бы принадлежим к разным видам.

79

Моя собственная восприимчивость вдвое острее, чем у большинства людей; возможно, она абсолютна. Она не отвергает ничего и допускает всё. Она готова признать реальными любые ощущения, испытывать которые по меньшей мере странно. Даже не знаю, радоваться этому или сокрушаться.

Чем лучше человек умеет обуздывать противоречия собственной природы и подчинять их единым правилам, тем более великим он мне представляется.

В сущности, важны не события нашей жизни, а лишь нить, окаймляющая их и объединяющая в единый узор.

Каждую минуту, каждую секунду, каждый миг своей жизни полностью осознавать всю свою малость и всё свое величие.

Где-то на мистическом кресте, в пересечении пространства и времени есть точка, принадлежащая мне одному. В ней распускается цветок и созревает плод моей судьбы, не заменимой никакой другой.

80 Дойдя до своих самых дальних, самых тайных границ, нужно сократить их, ограничившись лишь самим собой.

*

Невероятный успех – хотя бы к концу своей жизни, хотя бы немного, походить на того себя, каким всегда мечтал быть.

Великий человек ценит свои свершения, сколь бы скромными они ни были.

Скромность – по сути лишь неявная гордыня. Когда я слышу, что не стоит уважать себя лишь за свое согласие на ту или иную скромную роль, мне хочется возразить, что это, напротив, единственный способ простить самого себя за слишком высокое самомнение или принятие чрезмерных похвал со стороны других.

Истинное величие в том, чтобы предъявлять требования лишь к самому себе и не ждать ничего от других – даже признательности за это.

Истинное величие в том, чтобы ценить свои добродетели не больше, чем свои слабости.

Когда мы проявляем лучшие свои качества, мы чаще всего этого не сознаем. Когда мы хоть на миг возвышаемся над собой, этот мимолетный триумф ускользает от нас, оставаясь незамеченным. Можно подумать, что Всевышний, сотворивший нас по Своему образу и подобию, оберегает нас от лучей нашей славы, подобно тому, как скрывает от нас за облаками Свое сияние.

81

Величие не достигает своей полноты без обретения абсолютного спокойствия и безмятежности, когда чувствуешь себя свободным и сияющим, словно драгоценный камень, укрытый в недрах земли.

Глубинная сущность души – не подчиняться времени и пространству, принадлежать лишь бесконечному и вечному.

Вина и одновременно беда человека в том, что он почти никогда не осознает, насколько эфемерен во времени и пространстве и насколько незыблем, незаменим в глазах Бога и неотъемлем от Него.

*

Мы не достигнем ни малейшего прогресса до тех пор, пока будем придавать

хоть какое-то значение тому, что происходит с этой стороны мира.

*

82

Порой во время еды я испытываю чувство тревоги, словно боюсь, что мне окажется ее недостаточно, – как будто раньше мне доводилось умирать от голода. Я настолько остро ощущаю ее ценность, ее благотворное воздействие, которое вызывает во мне священную радость, я столь бесконечно за нее благодарен, как будто я бедняк, не имеющий никаких средств к существованию, который каким-то чудом получил кусок хлеба и чувствует себя так, будто он его украл или, по крайней мере, недостаточно потрудился, чтобы его заслужить.

Чем больше места отвоевываешь себе в мире, тем меньше его остается для себя в собственной душе.

Подлинное величие ни с чем не сравнимо. Оно сияет в своем одиночестве, не видимое никому, даже самому себе. Даже когда его начинают замечать, по сути замечают лишь его внешнюю сторону.

Подлинное величие не располагает к себе, не производит благоприятного впечатления и чаще всего остается незамеченным.

Иногда моя скромность – моя единственная поддержка.

Помню один период в своей жизни, когда мне хотелось плакать от одного взгляда на свой убогий повседневный костюм – я носил его шесть дней в неделю, чтобы подольше сохранить парадный, приберегаемый для воскресений.

Для некоторых людей одежда более важна, чем собственная кожа, более близка, чем внутренние органы. Она составляет их единственную ценность. Когда нет души, ее место занимает роскошный наряд или униформа.

Некоторые люди умеют носить железные очки так, что те кажутся золотыми. Самые обычные пальто на них выглядят как роскошные меха.

Этот особый дар бедняков всегда меня восхищал. Судьба с лихвой компенсировала им недостаток средств. «Здесь убыток, там избыток».

Если мне случается иногда восхищаться собой, то вовсе не из-за осознания собственного величия, а из-за того, что мне удалось на время о нем забыть.

Обычно я путешествую инкогнито – иными словами, забыв о том, кто я. Мне легко общаться разве что с булочником, бакалейщиком, мясником, молочником, дворником и продавцом газет, поскольку с ними я вижу каждый день, и эти отношения для меня – самые ценные. Общаясь с незнакомыми людьми, я исхожу из принципа «Будешь тише воды ниже травы – точно не ошибешься».

«Ваша Скромность!» – поприветствовал меня однажды Эрнст Юнгер.

Каждый день я прохожу по своему кварталу с батоном хлеба в одной руке и бутылкой вина в другой. Как хорошо, когда самые простые обязанности избавляют нас от сложных.

*

Кроме того, нет ничего унижительного в том, чтобы кому-то услужить – особенно если умеешь лучше всех вычистить одежду, отполировать обувь или изящно поклониться.

*

Мне представляется, что возможно спастись от всех бед, совершая изо дня в день самые простые вещи, как бы поддерживая ритм жизни, усвоенный в детстве.

Каждое утро, насыпав птицам корм и глядя, как они слетаются к кормушке у окна,

словно вестники близящегося дня, я непроизвольно прижимаю ладони одну к другой, – но, поскольку мои губы остаются неподвижными, я не понимаю, что молюсь.

*

Кто-то однажды сказал мне:

– Слава вас не любит.

85

– И за это я ей очень признателен, – отвечал я, – если речь именно о той славе, которую вы подразумеваете.

*

Только ощущение эфемерности всего может порой нас утешить при потере какой-нибудь безделицы.

Я настолько хорошо чувствую эту эфемерность, что не могу заставить себя поверить, что я чем-то обладаю. Тем более тщетно было бы мне пытаться завладеть имуществом кого-то другого. Даже то, что я добываю в поте лица (хотя эта метафора в моем случае сильно преувеличена), я считаю своим лишь потому, что я волен это отдать, – и только в тот момент, когда я это отдаю.

Предметов, которые я раздал, вполне хватило бы на музей.

Двадцать пять лет я ношу прекрасные часы с чужими инициалами. Я никогда не ду-

мал о том, чтобы стереть их и заменить своими собственными, – это могло бы заставить меня поверить, что мне что-то принадлежит. Когда-нибудь, чтобы почувствовать себя более свободным, я избавлюсь от них.

86

Однажды Марта Л. подарила мне маленький грязный флакончик с каплей духов, словно вобравшей в себя благоухание ста тысяч роз. Я по-настоящему убедился, что он мой, только когда отдал его своему лучшему другу.

Восхитительные предметы искусства, чье магическое воздействие на меня Герцогиня умела усугубить как никто другой, я принимал от нее не в дар, а скорее на хранение: голову античной статуи Эрота; ковчежец с искусной росписью на эмали – Мадонна Пьета, стоящая меж двух коленопреклоненных ангелов; перстень с великолепным рубином, который я надевал, чтобы заснуть... Всё это я готов был вернуть ей по первому требованию, без единого возражения. Так я в конце концов и поступил.

*

Место человека в мироздании – между Природой и Сверхприродным, на одинаковом расстоянии от них. Он не должен пренебрегать ни первой, которой принадлежит телом, ни вторым, с которым его связывает душа.

Сколь благотворно для души человека присутствие рядом животного! В самом деле, зачем требовать от нее, чтобы она непременно разделяла заботы тела, в котором обитает?

В трагедии, которую являет собой наше существование, тело, как и душа, играет свою роль и обладает собственным величием, заключающимся в забвении себя, в безразличии к отдыху и прочим нуждам, в небрежении своими тяготами и хворями.

87

Мое тело обращается к душе лишь затем, чтобы поблагодарить ее за приятное знакомство, и душа отвечает ему той же признательностью. Да и как могла бы она не хвалить этого преданного слугу, который за пятьдесят с лишним лет ни разу не упрекнул ее, что она его не щадила? Сколько ночных бдений она заставила его выдержать! Но когда она позволяла ему немного понежиться, то после об этом не сожалела.

Хорошо, когда между телом и душой устанавливается нечто вроде дружбы, основанной на взаимном уважении, которое может возникнуть лишь в результате общих заслуг, когда требования одной выполняются другим мгновенно и беспрекословно. Только они знают друг о друге абсолютно всё, и только они могут хранить эти познания в секрете.

*

Что бы ни случилось с моим телом, я всегда буду хранить уважение к нему. Что до моей души, я готов поклоняться ей, едва осмеливаясь поднять на нее глаза.

*

88

Существует идеальный символ двойственной природы человека.

Это кентавр.

Животное, конь – это лишь часть меня, более приземленная, которую я должен подчинить и обуздать. Но если конь подчиняется мне, точно так же я могу смирить и свою душу; если он радостно мчится по земле, это не значит, что я забываю о Небе, чей божественный отблеск сияет на моем челе.

– Знаете ли вы, – любил говорить старый архиепископ Тейнтурьерский, – что такое месса? Священная казнь, которую человек совершает над Всевышним, и Он не может не подчиниться. Человек держит Всевышнего в руках. В этот момент Бог всецело в его власти. Это полное ниспровержение античных устоев, *сущностная революция*, после которой все остальные – лишь детские игры.

Какая восхитительная метафора!

Если Бог, создав меня свободным и бессмертным, в самом деле отказался ради меня от частицы Своего всемогущества, то единственным смыслом жизни для меня остается решение проблемы, которая не давала мне покоя с самых юных лет: оберну ли я этот бесценный дар Всевышнего себе на пользу или, в свою очередь, откажусь от него, чтобы всемогущество Творца было абсолютным?

Разговор с Элизой*

Недавно я в сердцах воскликнул, что готов предпочесть Человека Богу, на что Элиза ответила:

90 – Ах так? Ну, теперь я точно знаю, что мы закончим свои дни порознь.

– Почему?

– Потому что ты дьявол. Или, вернее, потому, что ты больше не веришь в Бога.

– Хочешь сказать, я атеист? Это я-то? Тот, кто существует лишь потому, что Он существует? Тот, кто благоговейно смотрит на собственное величие лишь потому, что это Он его даровал? То есть ты не понимаешь, что как только я перестал бы верить в Него, я перестал бы верить и в самого себя? Больше того – я бы отверг всякую логику, потому что только на Боге основана моя Религия Человека, и только Бог позволил мне определить себя, установил для меня границы и гарантировал мне их неприкосновенность.

Элиза: – Пусть так. Но тем хуже. Ты сам говоришь, что опираешься не на Бога, а на себя. Бог тебе нужен только для того, чтобы унижить Его перед собой. То есть Он для тебя – лишь главная составляющая твоей гордыни,

* Элиза Тулемон (1988–1971) – жена Марселя Жуандо.

главный элемент той системы, на которой эта гордыня основана. Ты не нуждаешься в Боге – твоей гордыне достаточно тебя.

Я: – Но без Бога моя гордыня потеряла бы всякий смысл.

Элиза: – Значит, только твое навязчивое стремление превозносить Человека в ущерб Богу и заставляет тебя верить в Него.

91

Я: – Это не мое, а Его стремление. Оно опасно, и Бог разделяет с нами эту опасность. Он подвергает нас ужасному искушению противостоять Ему вечно. И в то же время это Его добровольный, бескорыстный дар.

Элиза: – Будь спокоен, Бог восторжествует.

Я: – Почему ты думаешь, что это меня разозлит или расстроит? Моя гордыня состоит не в отвержении, а в принятии той драмы, в которую я вовлечен. Если я прославляю Человека, то не за добрые или злые дела, обусловленные его земной природой, а за его высшую природу, созданную Богом – этот во истину Божий шедевр!

В этой дилемме, в этой дуэли между Небом и мной есть некое доказательство силы, которое меня вдохновляет, возможность победы, которая меня искушает.

О, этот главный спор, единственно подлинный и значимый – спор о Святом Причащении!

Ставка в этом споре – вечность, а соперник – сам Всевышний.

Сколь всеохватным становится мое величие в этом поединке с Повелителем Ангелов!

И никто не в силах предсказать его исход.

92

Сейчас для меня идет речь только о захвате «своей доли» – то есть позиции, с которой я смогу осознать, «что есть доля Бога».

Я очерчу границы своего владения рядом с Его владениями.

*

Стоит хотя бы на минуту осознать трагедию жизни – и становится очевидно, что всё происходит именно так, как если бы существовал Бог и одновременно – преисподняя.

*

Для всякого человеческого существа, достойного так называться, жить – означает постоянно ощущать первозданную свежесть начала мира и гул веков, возвещающий его конец – катастрофу и апофеоз одновременно, – и хранить на своем челе печать вечного осуждения или вечной славы, к которым он заранее приговорен.

Если я говорю Богу «нет», я разрушаю божественный замысел, включающий в себя Творение и Искупление.

Никто и ничто не может помешать мне сказать Богу «нет».

Это «нет» и создает преисподнюю.

Итак, не Бог, но лишь я один создаю преисподнюю, если такова моя воля.

Только что такое на самом деле преисподняя? Она в самом деле то, чем ее считают, такова, какой ее описывают?

Почему бы ей не быть иным раем, который кто-то предпочел изначальному, – раем гордыни, *моей* гордыни, в котором вовсе не запрещены ни любовь, ни наслаждение?

То, что является преисподней для Бога, не может ли стать раем для меня?

Как я признался однажды аббату С., примерно с тринадцати лет мне не дает покоя мысль о том, что человек может противостоять Богу вечно, и по сути величие человека основано именно на этом и ни на чем ином. «Можно даже сказать, что это единственная трагедия человека, – отвечал он. – Она превосходит, перевешивает и перечеркивает все остальные».

Уже с самого нежного возраста я осознавал «свою» природу и с гордостью прозревал ее величие. Все вершины, все бездны, которыми измеряется величие человека, я познал хотя бы в мечтах, а некоторые из них – на личном опыте во множестве опасных авантюр. С тех пор почти ничего уже не может удивить меня или застигнуть врасплох.

94

Я знаю, что есть Человек, я вознес его перед лицом Бога посреди пустыни. Я знаю, что никакие самые жесткие требования, никакие амбиции не могут быть выше, чем он есть.

*

Случается иногда, что, соблазнившись эфемерным очарованием христианского мифа, человек забывает о сути христианства, о величии созданной им грандиозной истории, которая возносится над человеческой, но неразрывно связана с ней. Так Юпитер, проницая взглядом лесную чащу, где Геката склоняется над спящим Эндимионом, на миг забывает о своем величии, завороченный отблеском света на ее лакированном каблуке.

Нельзя отвергать участь, соединенную с началом и концом мира, и величие, почти равное божественному, коль скоро всё христианство, по сути, не что иное, как безнадежная попытка Всевышнего, умалившись перед Человеком, которого Он возвысил, вер-

нуть Себе утраченную частицу Своего всемогущества.

*

Без сомнения, Бог долго искал (и наконец обрел в Природе) точку опоры – центр тяжести материального мира, который являет собой полную противоположность миру духовному, но способен принять его священные законы. Бог долго искал плечо, к которому мог приникнуть Своим царственным челом – и обрел его в Человеке.

95

*

Мадам де Севинье проникла в ту же тайну, что и я, гораздо раньше, когда написала (в письме 819 от 1680 года): «Бог всемогущ и делает всё что хочет, я это признаю. Но Он хочет получить наше сердце, а мы не можем его Ему отдать – в этом суть христианской мистерии».

*

Мое величие в том, что я могу сравняться с Богом в Его всемогуществе: Он может всё, но только не принудить меня к чему-то против моей воли и не уничтожить меня. Если я отступлюсь от Него, Он потеряет частицу своего бесконечного царства, быть может, наиболее драгоценную; одно из растений своего тайного сада, быть может, из самых редких.

96 Если я допускаю, что душа человека, свободная и бессмертная, способна достичь божественного могущества, – возможно, это вызов, брошенный самому себе, наиболее рискованная попытка узнать себя, понять свой истинный масштаб – не только в духовном, но и в материальном мире. Привыкнув к возвышенным видам и бескрайним горизонтам, мой внутренний взор обрел дерзость, вызванную нежеланием довольствоваться всем тем, что заурядно.

О ГОРДЫНЕ

97

По странной прихоти судьбы наше современное обозначение гордыни – *orgueil* – было когда-то заимствовано из старинного верхненемецкого языка. Оно постепенно вытеснило прежнее *superbe*, пришедшее ранее из латыни, но поскольку то не исчезло полностью, и поскольку в любом хорошо организованном языке отсутствуют полностью идентичные понятия, *orgueil* и *superbe* стали обозначать разные смысловые оттенки понятия «гордыня». Достаточно вспомнить, что словом *orgueil* архитекторы до сих пор называют деревянный брус, который рабочие подкладывают под рычаг, для того чтобы он служил рычагу опорой и заставлял его подниматься, – чтобы убедиться, что такое характерное название как нельзя более подходит чувству, обозначаемому тем же словом. Это весьма примечательно.

Некоторые определения гордыни представляются мне догматичными и предвзятыми – например, когда гордецом называют человека, который «тщеславится своими прирожденными достоинствами,

словно они являются его заслугой, и презирает других людей». О нет, гордыня отнюдь не «тщеславится» – иначе она наигранная, ненастоящая, фальшивая настолько, что утратила свою форму и свою суть, превратившись в обычное тщеславие (характерно, что глагол, образованный от этого существительного, присутствует в определении, приведенном выше). Истинная гордыня молчалива. И в той же мере, в какой она чужда тщеславию, она чужда высокомерию, надменности, заносчивости, самомнению, чванству, бесцеремонности, бесстыдству, грубости – и даже гордости. Гордыня не выставляет себя напоказ. Чем больше она является собой, соответствует своей глубинной сути, тем больше избегает публичности – из опасения, что ее опошлят, принизят и тем самым осквернят.

*

Что же такое гордыня?

Это царственное, священное чувство величия, изначально вам свойственного, отдаляющего вас от всего, что может разрушить основу его существования – стремление возвыситься над собой.

Получив от Бога в дар самого себя, как мог бы я не возгордиться этим даром, бесценным и безвозвратным во веки веков?

Однако легитимность гордыни подчинена своим строгим законам. Гордыня имеет

тем больше оснований считаться таковой, чем строже ее требования к самой себе. Как только она позволяет себе расслабиться, поддаться иллюзиям, пойти на уступки тому, что ее принижает или искажает, – она перестает быть собой.

Уже появлялись предложения вычеркнуть гордыню из списка смертных грехов. Что до меня, я готов даже признать ее самой главной добродетелью, коль скоро она является собой чувство собственного изначального благородства, которое ко многому обязывает.

99

*

Эпиктет знал, что такое истинная гордыня, когда говорил: «Я родился в рабстве, я хром и беден как Ир, однако дорог бессмертным богам». Или: «Если бы кесарь усыновил тебя, ты бы возгордился. Так отчего же ты не гордишься тем, что ты сын Божий?» Блаженный Августин как-то сказал, что гордыня для нас является подражанием Богу. Бальтазар Грасиан писал: «Величайшее из всех владычеств – владычество над собой и над своими страстями».

*

Величие неотъемлемо от нашего предназначения. Даже утратив благодать, порвав со всеми, достигнув крайней степени паде-

ния, человек имеет право на бесконечную гордыню, если не совсем забыл о своем природном достоинстве, если гордыня – это знак его подлинной, несравненной славы, который присущ любому из нас с того момента, как он себя осознает.

100 Но та гордыня, которую я воспеваю, вовсе не противоречит личной скромности и сдержанности в отношениях с другими людьми – именно этим она отличается от другой, обозначаемой словом *superbe* и означающей преувеличенное самомнение, превознесение себя над другими.

*

Гордыня и скромность, вопреки расхожему мнению, вовсе не противоречат друг другу, как порок и добродетель. Предназначенные исключительно для внутреннего пользования, они не отменяют, но, напротив, взаимно дополняют и в равной мере усиливают друг друга.

Я бы определил их как религиозные понятия, если бы они касались только отношений каждого из нас с самим собой и с Богом, если бы гордыня была лишь ощущением величайшего достоинства человеческой натуры, общей для меня и для всех мне подобных, а скромность – признанием нашей зависимости от Бога и наших личных недостатков.

Однако порой равновесие между ними

нарушается, и тогда душа, опьяненная собственным величием, стремится узурпировать божественность.

*

Такую концепцию гордыни не без оснований упрекают в том, что она косвенно побуждает человека последовать примеру восставших ангелов. Разве я сам не пытался в молодости, под маской специально для этого созданного мной литературного персонажа, стать Люцифером? Ересь, которую проповедует месье Годо*, представляется мне выдуманной удачно – в том смысле, что она лишь подтверждает величие человеческой природы: если Бог даровал Человеку свободу и бессмертие, и если Он никогда не забирает Свои дары обратно, значит, Он тем самым отказался от частицы Своего всемогущества в пользу Своего творения – и Человек, этот новый Прометей, гораздо более опасный противник, чем первый, отныне может противостоять Богу вечно. Итак, теперь мы, привилегированные создания, вольны разрушить тварный мир и отнять у Неба часть его славы. Теперь все рычаги управления в руках Человека, а не Бога, и если Бог любит Человека (а Он его любит), это означает, что мир полностью перевернулся – не Бог вооружается, что-

101

* Месье Годо – герой цикла книг Марселя Жуандо, альтер эго автора.

бы покарать восставшего на Него Человека, но Человек, чтобы сбросить Бога в преисподнюю, отказавшись от Его любви.

Драма, дошедшая до этой крайней точки, до этой наивысшей степени неправдоподобности, странным образом раскрывает перед нами величие нашего предназначения и одновременно оправдывает нашу гордыню, являющуюся, по сути, лишь осознанием величайшей опасности, которой мы подвергаемся. Поскольку она основана на благоговении перед тем даром, который сделал Бог каждому из нас в лице нас самих, на чувстве неотъемлемой свободы и возможности всецело распорядиться собой, которые дарованы нам навечно, – гордыня является для Человека непреходящей опасностью, ибо подвергает его воистину титаническому искушению. Гордыня становится грехом, лишь когда на нем заканчивается, – иными словами, когда Человек, слишком сильно привязавшись к той частице всемогущества, которую Бог ему даровал, обращает ее к своей выгоде. Вместо того, чтобы, напротив, воздать Богу хвалу за этот дар, Человек стремится соперничать с Ним в щедрости, возвращая Творцу то, что Он отнял у Себя ради Своего творения. И вот итог – Бог полностью скрывается от нас.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая.....	5
Часть вторая	55
Величие человека и преисподняя	89
О гордыне	97

**Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют**

Марсель Жуандо
МОЙ БЕСТИАРИЙ

Тесные, дружеские и при этом искренние, лишенные всяких недомолвок отношения у нас складываются только с животными. Они осыпают нас ласками, не отмеряя их, и дарят нам поцелуи без счета.

Те, кто отказывают себе в обществе собаки или кошки, даже не сознают, сколько они теряют возможностей по-настоящему познать себя, соизмеряя с этими маленькими существами, гораздо менее отличными от нас, чем нам кажется. Во многих случаях они имеют право гордиться собой гораздо больше, чем мы.

Марсель Жуандо
ШКОЛА МАЛЬЧИКОВ

В 1948 году шестидесятилетний Марсель Жуандо познакомился с двадцатилетним солдатом Робером Коке. Их любовный роман продолжался 12 лет. В книге "Школа мальчиков" собраны письма Робера и поклонника Жуандо Анри Роде (1917 – 2004), раскрывающие тайны этой истории. Лишь после смерти Жуандо открылось, что письма Робера писал Анри, подстроивший встречу своего кумира с юношей.

**Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют**

Марсель Жуандо
ЭТИ ГОСПОДА

В 1911 году Андре Жид написал эссе «Коридон», посвященное очарованию однополый любви. Через 40 лет философ Марсель Жуандо ответил ему своим «Коридоном»: размышления о природе гомосексуальности в его книге соседствуют с историями тех, кто знает толк в удовольствиях, непонятных большинству и ошибочно считающихся пороком.

Марсель Жуандо
НЕПРИСТОЙНЫЕ ПИСЬМА

Во мне метр семьдесят шесть сантиметров роста. В нем – метр девяносто. Мне нравится узнавать размеры его тела, его объем и вес. Я спешу обежать взглядом весь этот необъятный континент, задерживаясь там, где захочется. С ним – как осознать, где я, где здесь я, когда мы оба задыхаемся от непрерывных наслаждений, сплетаемся, отвечаем друг другу, понимая друг друга без слов. Мы словно движемся под сводами необычного храма, перемещаясь с места на место по всем его коридорам и тайным уголкам – чтобы в конце концов неизбежно оказаться перед входом в метро на площади Клиши.

Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют

Эрве Гибер

ИЗ-ЗА ВАС Я ПОВЕРИЛ В ПРИЗРАКОВ

Толпы зрителей собираются на трибунах. Скоро начнется коррида. Но только вместо быка — плюющийся ядом мальчик, а вместо тореадора — инфантеро. 25 июня 1783 г. маркиз де Сад написал жене: «Из-за вас я поверил в призраков, и теперь желают они воплотиться».

Герард Реве

ПИСЬМА К ВИМИ

Герард Реве познакомился с Вимом Шумахером в 1952 году. Они провели вместе 10 лет. В 1963 году Вим встретил молодого англичанина М. и ушел к нему. Реве не раз предлагал примирение, но разрыв стал окончательным. Письма Виму приходили из разных стран. Реве посетил Восточный Берлин и нашел его отвратительным, хотел перебраться из амстердамского холода в Испанию или Марокко, но разочарованный вернулся домой. «Письма к Вими» – свидетельство страстной любви и рождения нового литературного стиля, который писатель называл ревизмом.

**Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют**

Эрве Гибер

СЛЕПЫЕ

Однажды Гибер приехал в учреждение для слепых, чтобы написать о нем репортаж. Потом устроился туда чтецом. В результате получился настоящий роман ужасов, безжалостные герои которого ужасы обожают. Это фантазмагорическое и в то же время документальное исследование доселе неизвестных нам наслаждений и страхов. Что может принести радость человеку, с детства лишенному зрения? Совсем не то, что способен представить зрячий, поскольку визуальные образы не имеют здесь никакого значения. Чудовища в этой книге становятся лишь игрушками, а обыденные мелочи обретают циклопические масштабы, углы означают горести, а округлости таят в себе покой и уверенность.

Эрве Гибер

Я И МОЙ ЛАКЕЙ

Не часто встретишь слугу, который был прежде кинозвездой. Лакей главного героя – актер, то есть актеришка, пародия, тиран, прогнавший остальную прислугу, размахивая ножом. Он выдворил хозяина из его спальни, запрещает ему смотреть телевизор и диктует, как одеваться. Что это, голая правда или настоящий дневник? Действие происходит в 2036 году, когда автору исполнилось бы восемьдесят. Книга вышла за несколько месяцев до смерти писателя.

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications»
можно приобрести в Москве:

«Фаланстер» Тверская, д. 17
«Москва» ул. Тверская, д. 8
«Циолковский» Пятницкий переулок, д. 8, стр.1
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус» Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5
«Индиго» Ветошный пер., 9, «Никольский пассаж»

в Петербурге:

«Порядок слов» наб. Фонтанки, д. 15
«Свои книги» Репина ул., 41
«Все свободны», Некрасова ул., 23
«Подписные издания», Литейный пр., 57

через Интернет:

«Ozon» ozon.ru
«Читай-Город» chitai-gorod.ru

в Украине:

«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж обращаться в
ооо «Медленные Книги», тел. (495) 971-47-92

Почти все книги издательства можно заказать
на сайте редакции kolonna.mitin.com

Марсель Жуандо
НОВЫЙ БЕСТИАРИЙ

Kolonna Publications,
Труdolюбия 45, 1, Тверь, Россия, 170006.
Сдано в набор 12.02.2020 г., подписано к печати
25.02.2020 г., формат 72X104/32, объём 6,2 п.л.,
тираж 500 экземпляров. Бумага офсетная, картон
целлюлозный, одностороннего мелования.
Отпечатано Калининским полиграфкомбинатом
Главполиграфпрома Комитета по печати при Союзе
Министров СССР, г. Калинин, пр. Ленина 5.